ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТГОЛОСКИ

Сборникъ—Апрѣль.

Содержаніе:

Л. Мартовъ. Дебюты второй Думы.
Ф. Данъ. Дума и черная сотня.
К. Каутскій. Жоресъ и тактика германской соц.-дем.
Г. Плехановъ. А что если разгонятъ?
А. К-ай. Избирательная кампанія въ Финляндіи.
Л. Мартовъ. Еще о характерѣ русской революціи.
Р. Гриневичъ. Партія и профессіональные союзы.
Д. Кольцовъ. Къ статьѣ В. Гриневича.
Фрид-хъ. Забастовка одесскихъ моряковъ и гг. анархисты.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электропечатня Я. Левенштейнъ, Екатерингофскій, 10- 19.
1907.

6Н372

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТГОЛОСКИ.

X

Сборникъ

Апрель

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электропечатня Я. Левенштейнъ, Екатерингофскій, 10—19.
1907.

„Пров 38"

H372

581
33

Дебюты второй Думы.

I.

Наканунѣ открытія второй Думы трогательное согласіе царило въ одномъ пунктѣ среди всѣхъ почти дѣйствующихъ лицъ русской революціонной драмы: правительство, „умѣренные“ октябристы и разнузданные черносотенцы, „парламентарные“ кадеты и пламенные „большевики“ — всѣ сходились на томъ, что новая Дума, по своему партійному составу, является чрезвычайно—революціонной. Правительственные офиціозы и рептиліи заранѣе гремѣли противъ этой неслыханно-революціонной Думы; считающіе себя представителями Думы по преимуществу кадеты вздыхали и охали по поводу ея неожиданно краснаго характера, а искони подозрительные ко всякимъ „конституціоннымъ иллюзіямъ“ большевики торжествовали по поводу того, что вторая Дума представляетъ „самый революціонный парламентъ во всемъ мірѣ“. И такъ какъ столь революціонная Дума какъ-то не подходитъ къ прочно утвердившемуся режиму военно-полевыхъ судовъ и Столыпинскаго „конституціонализма“, то всѣмъ невольно казалось, что такая страшная по своей революціонности Дума не продержится и нѣсколькихъ дней и непремѣнно будетъ разогнана опытнымъ въ дѣлѣ разгона кабинетомъ.

Но обыватель—городской и сельскій—совсѣмъ не для того избиралъ лѣвыхъ и крайнихъ лѣвыхъ депутатовъ, чтобы моментально сшибить ихъ лбами съ бюрократіей и, убѣдившись въ достаточной еще твердости мѣднаго лба послѣдней, видѣть повтореніе іюльскаго финала первой Думы. Политическое чутье подсказывало обывателю простую мысль, что „народное представительство“ является той костью, которою, рано или поздно, должна будетъ подавиться акула—бюрократія. То же чутье подсказывало ему сознаніе того, что, пока бюрократія будетъ занята попытками проглотить или извергнуть эту досадную кость, ему, обывателю, будетъ нѣсколько легче жить. Для того-то онъ зачастую и избиралъ депутатовъ „полѣвѣе“, чтобы заставить хищницу повозиться-таки съ новой Думой. Ибо прошлогодній экспериментъ съ кадетами оставилъ въ обывателѣ впечатлѣніе, что эти люди какъ-то очень ужъ легко могутъ быть проглатываемы чудовищемъ.

Надъ новыми депутатами съ самаго начала тяготѣло

это ощущеніе того, что избиратель ждетъ отъ нихъ большой „усидчивости“ на тѣхъ мѣстахъ, съ которыхъ ихъ будетъ пытаться сбросить бюрократія. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, надъ ними тяготѣли „страшныя слова“ тѣхъ партійныхъ программъ, подъ знакомъ которыхъ они были избраны и которыя самымъ своимъ созвучіемъ твердили о полной несовмѣстимости подобнаго представительства съ режимомъ кладбищенскаго „порядка“ и военно полевой „законности“. Казалось противоестественнымъ, чтобы „парламентъ“, въ которомъ двѣ пятыхъ мѣстъ занято соціалистами разныхъ партій и примыкающими къ соціалистамъ „трудовиками“, могъ сколько-нибудь долго функціонировать въ столицѣ, придавленной чрезвычайной охраной, въ странѣ, терроризованной военнымъ положеніемъ.

„Дума правѣе страны“, категорически утверждали въ прошломъ году „бойкотисты“ и, несмотря на сильное „полѣвѣніе“ новой Думы въ сравненіи съ первой, они и нынѣ склонны повторять это утвержденіе. „Дума значительно лѣвѣе страны“, утверждали въ прошломъ году реакціонеры, которымъ въ этомъ году вторятъ и кадеты. Намъ думается, что и то, и другое утвержденіе не отвѣчаетъ дѣйствительному положенію дѣлъ. И первая, и вторая—особенно вторая—Дума довольно точно отражаетъ въ своемъ преобладающемъ составѣ политическую физіономію той городской и сельской мелкой буржуазіи, которая составляетъ подавляющее большинство населенія Россіи. А эта политическая физіономія въ настоящій моментъ характеризуется своеобразнымъ сочетаніемъ революціонныхъ и консервативныхъ элементовъ. Мелкобуржуазныя массы переживаютъ процессъ выработки своего политическаго міросозерцанія и, соотвѣтственно этому, ихъ умонастроенія представляютъ собою еще нѣчто въ высшей степени расплывчатое и неопредѣленное. Тѣ избиратели, которые въ прошломъ году вотировали за кадетъ, нынѣ же за „лѣвыхъ“, совершали эту перемѣну частью въ видѣ протеста противъ кадетской умѣренности, частью, напротивъ, въ силу недовольства тѣмъ радикализмомъ прошлогднихъ кадетскихъ обѣщаній, которыя такъ жестоко были опровергнуты дѣйствительностью. Подъ вліяніемъ такихъ же моментовъ прошлогодніе избиратели, голосовавшіе за трудовиковъ, нынѣ мѣняли ихъ на опредѣленныхъ соціалистовъ-революціонеровъ и соціалдемократовъ. Мѣщанскія и крестьянскія массы ощущаютъ потребность въ представителяхъ, болѣе или менѣе полно выражающихъ ихъ демократическія требованія и связанныхъ съ ними; но въ то же время онѣ не даютъ себѣ еще от-

чета въ реальныхъ условіяхъ успѣха думской работы своихъ представителей и своего собственнаго движенія, почему и склонны заранѣе сваливать всю отвѣтственность за ходъ и исходъ новой думской кампаніи на своихъ избранниковъ, на ихъ политическую ловкость и мудрость. Въ этомъ смыслѣ всего менѣе правы тѣ большевики, которые думаютъ, что для демократической мелкой буржуазіи съ разгономъ первой Думы прошелъ періодъ „конституціонныхъ иллюзій". Если помнить, что сущность этихъ иллюзій составляетъ вѣра въ самодовлѣющую цѣнность шахматныхъ ходовъ парламентской дипломатіи (то, что въ своемъ крайнемъ проявленіи названо у Маркса „парламентскимъ кретинизмомъ"), то придется признать, что *только на выборахъ во вторую Думу* конституціонныя или парламентскія иллюзіи проявились, какъ факторъ, опредѣляющій собою настроеніе широкихъ народныхъ массъ. Уже во время первой Думы меньшевики неоднократно указывали, что поскольку эти массы „пошли въ Думу", онѣ дѣлали это подъ вліяніемъ не „конституціонныхъ", а „до-конституціонныхъ" или старорусскихъ царистскихъ иллюзій. На первую Думу широкія массы смотрѣли, какъ на славянофильскій Земскій Соборъ народныхъ челобитчиковъ. Громъ, грянувшій 8 іюля, разсѣялъ добрую долю *этихъ* иллюзій. Особенно деревня стала менѣе мистически, болѣе „по городскому" смотрѣть на Думу и ея дѣятельность. И такъ какъ и городъ—мелкобуржуазный городъ—еще стоитъ на низшихъ ступеняхъ политическаго воспитанія, то отъ деревенскаго политическаго мистицизма массы стали переходить къ тому городскому романтизму, который находитъ свое выраженіе въ дѣйствительныхъ „конституціонныхъ иллюзіяхъ". Если кадетамъ не удалось использовать для своей партіи это настроеніе массъ избирателей, то они могли утѣшиться тѣмъ, что оно разбавило крѣпкое вино „лѣвыхъ" группъ кадетской водицей. Значительное большинство депутатовъ вошло во вторую Думу съ наказомъ: „прежде всего—не шумѣть".

Шумѣть, разумѣется, нелѣпо. Но класть во главу угла тактики отрицательное положеніе „не шумѣть", значитъ, не имѣть *никакой* тактической линіи. Уже кадетскія писанія во время выборной агитаціи и передъ самымъ открытіемъ Думы выдавали явную растерянность, полное отсутствіе какихъ бы то ни было ясныхъ перспективъ будущей думской работы *). Другія партійныя группы оппозиціи—кромѣ соціалдемократіи—

*) О противорѣчіяхъ и несогласованности этихъ писаній см. въ статьѣ т. К. Смирнова въ IV сборн. «Отголосковъ».

вступали въ Думу съ еще меньшимъ запасомъ представленій о томъ, что надо и можно сдѣлать *). Отрицательный и безсодержательный лозунгъ: „не шумѣть", „Думу не взрывать", „конфликтовъ не вызывать"—лозунгъ явно-кадетскаго происхожденія—въ рукахъ ловкихъ политиковъ кадетской партіи оказался удобнымъ орудіемъ для „приученія" лѣвыхъ. Поскольку же послѣдніе, выступая въ своемъ большинствѣ подъ весьма „красными" заголовками трудовиковъ и соц.-революціонеровъ, серьезно прониклись почтеніемъ къ этому лозунгу, они попали въ прекомичное положеніе людей, *запуганныхъ своею собственною революціонностью.*

„Новое время" злобно смѣялось надъ тѣмъ, что новая Дума представляетъ собою тотъ грузъ, на которомъ со всѣхъ сторонъ красуются надписи: „обращаться осторожно!", „хрупкое"?.

Но если таково было положеніе всей Думы, то мелкобуржуазныя „крайнія" партіи чувствовали себя какими то сосудами, переполненными до края той „революціей", пролитія капли которой надо было избѣгать во что бы то ни стало. Подобно Буцефалу, думскіе трудовики и соціалисты-революціонеры боялись отбрасываемой ими революціонной тѣни. Взаимныя убѣжденія на тему „только потише" создали къ открытію Думы такую сгущенную атмосферу „истинно-русскихъ" пустяковъ, которая словно ждала своего Щедрина.

Разумѣется, въ этой, не безъ ихъ старанія, созданной болотной атмосферѣ крайніе лѣвые чувствовали себя неловко. Напротивъ, жабры кадетскихъ дипломатовъ оказались нарочито—приспособленными къ вдыханію болотныхъ испареній. Кадетская пресса, захлебываясь отъ восторга, отмѣчала каждое новое проявленіе той „тактики молчанія", которая отнынѣ должна была символизировать „зрѣлость" обывательскаго разума. Промолчали въ отвѣтъ на провокаціи Крушевана и Пуришкевича—слава намъ! Промолчали въ отвѣтъ на наглость „охраннаго" барона Остенъ-Сакена—слава намъ! Провалился потолокъ Таврическаго дворца—и корреспонденты „Рѣчи" съ глубокимъ удовлетвореніемъ отмѣчаютъ, что и тутъ думское большинство проявило величавое спокойствіе. Г. Столыпинъ читаетъ декларацію—и въ отвѣтъ каждая изъ лѣвыхъ фракцій

*) Резолюція съѣзда «партіи соц.-революціонеровъ» показываетъ, что эта партія выработала свой посильный отвѣтъ на вопросы думской борьбы Но практика тотчасъ же показала, что думская фракція с.-р—овъ, находясь подъ воздѣйствіемъ своихъ избирателей, настроена совершенно не такъ, какъ партійная организація.

несетъ свое собственное молчаніе: кадеты—государственно мудрое, трудовики—презрительно - смѣлое, соціалисты-революціонеры—грозно - внушительное, народные соціалисты—безхарактерно-невольное (ибо они было уже рѣшили вовсе не молчать).

Молчаніе, сказали мы, усиленно комментируется славословящей печатью. Но эти комментаріи состоятъ отнюдь не изъ однихъ славословій. Для вящшаго торжества добродѣтели необходимо ея сопоставленіе съ порокомъ. А порокъ на лицо—въ образѣ соціалдемократовъ, неспособныхъ оцѣнить государственную мудрость молчальниковъ. Въ теченіе доброй недѣли, предшествовавшей выступленію премьеръ-министра печать усиленно „травила" соціалдемократовъ. Они „срываютъ" великую демонстрацію молчанія и, конечно, это дѣлаютъ только для того, чтобы „показать свою самостоятельность" во что бы то ни стало. Имъ грозятъ тѣмъ, что, въ свою очередь, большинство сорветъ ихъ выступленіе, демонстративно покинувъ залъ засѣданія во время рѣчи с.-д. оратора. Ихъ сопоставляютъ съ Крушеваномъ и Ко, какъ одинаково жаждущихъ „скандала". Словомъ, ихъ всячески поносятъ и выставляютъ на позорище.

Въ достаточно непристойныхъ формахъ это поношеніе совершается на столбцахъ „Рѣчи". За нею скромно ковыляетъ „Товарищъ", видимо отлично сознающій весь комизмъ положенія и дѣйствующій не за совѣсть, а за страхъ... оказаться недостаточно „государственно мудрымъ". Чувствуется, что у гг. Яблоновскаго и Бой кота „чешутся руки" коснуться этой на рѣдкость юмористической темы, но „высшія соображенія" заставляютъ помолчать и газетныхъ остроумцевъ. Съ другой стороны, волкомъ воютъ нововременскіе сикофанты, изобличая преступныя намѣренія соціалдемократіи.

Но рекордъ побиваетъ отпрыскъ Суворинскаго племени. Газета „Русь" натравливаетъ обывателя во славу не кадетской партіи, но... партіи соц.-революціонеровъ. Она ставитъ на видъ соціалдемократамъ, что программа послѣдней партіи много „революціоннѣе" партіи с.-д., а вотъ же они готовы „грозно молчать". Она передаетъ всѣ подхваченныя въ кулуарахъ Думы оскорбительныя выходки по адресу соціалдемократовъ и въ самомъ извращенномъ видѣ сообщаетъ объ ихъ намѣреніяхъ. Словомъ, пользуется случаемъ показать всѣмъ и каждому, что она не забыла объ участіи соціалдемократіи въ борьбѣ типографскихъ рабочихъ за воскресный отдыхъ *).

*) Когда въ прошломъ году третейскій судъ между «Русью» и Союзомъ рабочихъ печатнаго дѣла вынесъ приговоръ, неблагопріятный газетѣ, г. Суворинъ-

Вся эта травля привела только къ тому, что сбила съ толку единственную народническую фракцію, правильно посмотрѣвшую на вопросъ—фракцію народныхъ соціалистовъ. Въ послѣднюю минуту она отказалась отъ своего рѣшенія „говорить“ и пошла за кадетско-эс-эровскимъ блокомъ.

Соціалдемократія отнеслась съ должнымъ спокойствіемъ къ поднятой противъ нея травлѣ и ей не приходится жалѣть объ этомъ, такъ какъ ея выступленіе противъ декларации Столыпина, можно сказать, спасло Думу отъ комическаго положенія. Ибо само по себѣ молчаніе думскаго большинства, конечно, не представляло бы ничего комическаго, но тотъ „соусъ“, подъ которымъ было изготовлено партіями это молчаніе,—всѣ эти громкіе разговоры о томъ, что всякое слово можетъ повести къ „разгону“—придалъ этому молчанію совершенно нелѣпый видъ. Соціалдемократы тоже сознавали и сознаютъ, что тактика, ведущая къ острому конфликту съ правительствомъ, въ данный моментъ для Думы, а, слѣд., и для народа невыгодна. Но отсюда далеко до тактики, усвоенной кадетами, трудовиками и соціалистами-революціонерами. Кадеты говорили, что вмѣсто „штурма“ надо вести „осаду“. Отлично. Но осада не совершается путемъ отступленія съ первоначальныхъ позицій. Избѣгать съ своей стороны того, что *безъ нужды* вызвало бы острый конфликтъ—значило, при данныхъ обстоятельствахъ, *не объявлять бойкота* министерству военно-полевыхъ судовъ, разсматривать его законопроекты, выслушивать его отвѣты на думскіе запросы и т. д. Но *отказываться отъ критики* правительственной программы, какою является министерская декларація, значитъ безъ бою сдавать одну изъ важныхъ позицій народнаго представительства. Отказаться „имѣть дѣло“ съ неотвѣтственнымъ министерствомъ привело бы, конечно, къ немедленному конфликту, котораго надо было

сынъ испо..ѣдался передъ публикой въ своей непріязни къ соціалдемократамъ, пропагандирующимъ «ненависть» и противопоставилъ имъ соціализмъ «соц.-революціонеровъ», основанный на началѣ любви. Оскорбленный въ своихъ лучшихъ карманныхъ чувствахъ, барышникъ имѣлъ разумѣется, полное право искать «подходящаго» для себя «соціализма», гдѣ ему угодно. Но тѣмъ болѣе странно поведеніе думской фракціи соц.-рев., которая въ бойкотируемую пролетаріатомъ газету (по собственному признанію фракціи) сообщаетъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся дѣятельности фракціи—наравнѣ съ другими газетами. Странно также, что членъ фракціи д-ръ Горбуновъ счелъ удобнымъ дважды помѣщать въ «Рѵси» письма въ редакцію для информаціи своихъ избирателей. Если не другія соображенія, то фактъ голосованія на выборахъ многихъ рабочихъ за партію с.-р. долженъ былъ бы ее побудить не брать на себя почина въ прекращеніи бойкота, поддержаннаго всѣмъ рабочимъ классомъ.

избѣжать. Но выразить ему недовѣріе страны Дума могла, нисколько не стаія, пока что, ребромъ вопроса объ его существованіи и своемъ собственномъ.

Министерство поспѣшило воспользоваться явной растерянностью думскаго большинства. Въ отвѣтъ соціалдемократамъ г-нъ Столыпинъ заявилъ, что Думѣ не дано выражать министрамъ недовѣріе. Это, конечно, невѣрно. Основные законы, на которые ссылался г. Столыпинъ, говорятъ только о томъ, что министры назначаются и смѣщаются монархомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что выраженіе недовѣрія со стороны Думы или Гос. Совѣта не должно вести къ отставкѣ министровъ, но отнюдь еще не слѣдуетъ, что Дума не можетъ формулировать свое отношеніе къ данному составу министровъ. Основные законы даютъ Думѣ право обращаться къ монарху съ представленіемъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ самихъ основныхъ законахъ, чѣмъ первая Дума и воспользовалась въ своемъ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь. Тѣмъ паче она можетъ обращать вниманіе на несоотвѣтствіе политики даннаго кабинета съ желаніями народа. Вообще, можно полагать, что даже и наша нынѣшняя „конституція“ похерила истинно-русское понятіе о недозволительности „дѣйствій скопомъ“ въ дѣлѣ выраженія мнѣній. Претензія г. Столыпина пахнетъ уже совершенно неприкрытымъ абсолютизмомъ бюрократіи и весьма жаль, что стоящіе „на почвѣ конституціи“ конституціоналисты-демократы, введшіе своей кротостью г. Столыпина въ соблазнъ, воздержались отъ разъясненія ему всей неправильности его толкованія военно-полевой конституціи.

Впрочемъ, можетъ быть гг. кадеты получили бы въ отвѣтъ на свои разъясненія указаніе того, что „сущность конституціи“ опредѣляется не буквой закона, а фактическимъ положеніемъ дѣлъ: отвергая формулу недовѣрія, предложенную соціалдемократами, Дума отказывалась открыто заявить о своемъ отношеніи къ политикѣ правительства, и г. Столыпинъ только закрѣплялъ за собою оставленную ему позицію, когда на очищенной территоріи водружалъ столбъ съ надписью: касаться не дозволяется!

Отвѣтъ г-на Столыпина говорилъ о твердомъ намѣреніи правительства „не потерпѣть“ противодѣйствія Думы его общей политикѣ, опредѣляемой независимымъ отъ желаній Думы назначеніемъ министровъ. По существу, это былъ отвѣтъ тому думскому центру, которой, стоя всецѣло на почвѣ основныхъ законовъ, собирается достигнуть гармоніи между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Тѣмъ знаменательнѣе,

что этотъ отпоръ умѣренѣйшимъ требованіямъ буржуазнаго либерализма принялъ, благодаря „грознаму“ и „величавому“ молчанію большинства, форму прямого вызова соціалдемократіи, которая, „какъ извѣстно“, собирается „взрывать“ и Думу, и основные законы, которой, какъ извѣстно равнымъ образомъ, вообще, не зачѣмъ было, какъ партіи революціонной, идти въ Думу и которая, тѣмъ не менѣе, явившись въ Думу, одна лишь прямо заявила въ своей революціи о необходимости подчиненія исполнительной власти законодательной. Въ лицѣ Столыпина бюрократія 6 марта заявляла, что вся власть останется за ней и, въ качествѣ адресата для врученія этого вызова, Столыпинъ избиралъ соціалдемократовъ, ибо они одни, придя въ Думу, прямо заявили, что власть должна принадлежать представителямъ народа.

Въ своемъ отвѣтѣ г. Столыпинъ былъ весьма рѣшителенъ. „Не запугаете!“ бросилъ онъ нашей партіи. Всего менѣе къ *ея* тактикѣ относились эти слова. Запугать правительство, быть можетъ, намѣрена боевая организація партіи с.-р-овъ, его несомнѣнно стараются запугивать кадеты, когда рисуютъ ему пучину революціи, въ которую влечетъ Россію его политика; запугиваетъ его и „Союзъ русскаго народа“. Соціалдемократы считаютъ запугиваніе правительства дѣломъ безполезнымъ, сознавая, что его политика опредѣляется сословными и групповыми интересами, которые не поддаются страху такъ же, какъ не поддаются слову увѣщанія. Соціалдемократы сами совѣтуютъ народу на стѣнкѣ зарубить,

Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.“

Рѣчами, которыя растрачиваются по-пустому, являются именно тѣ рѣчи, которыя апеллируютъ къ *совѣсти* господствующаго класса или же къ его *страху*. Пріобрѣтенію же „власти“, то есть реальной силы, способствуютъ лишь такія рѣчи, которыя разоблачаютъ въ глазахъ массъ подлинный смыслъ политической дѣйствительности, разъясняютъ ему „то, что есть“. Эту задачу и выполняетъ въ Думѣ соціалдемократическая фракція. Не „руки вверхъ“, кричитъ она г. Столыпину и К, а болѣе скромное: „покажите ваши руки!“ „покажите, сколько на нихъ крови погромовъ и грязи Лидваліады“.

Вотъ почему не въ ея огородъ попадаетъ „не запугаете!“ г. Столыпина. И вотъ почему не подходитъ къ ней тактика „величественнаго молчанія“, тактика „беречь Думу“ во что бы ни стало, хотя бы той цѣною, чтобы убить *довѣріе народа къ ней*. Если Дума крикливая и некстати задорная могла бы сбить

съ толку народныя массы, внушивъ имъ нереальное представленіе о положеніи дѣлъ, то Дума откровенно боязливая и смиренномудрая быстро погасила бы въ массахъ то довѣріе къ народному представительству, внѣ котораго у Думы нѣтъ и не можетъ быть никакихъ перспективъ впереди.

II.

Переваливъ благополучно черезъ первую встрѣчу съ Столыпинымъ, Дума внезапно наткнулась на скромный вопросъ о комиссіи по продовольственному дѣлу.

Дебаты по этому поводу должны вызвать въ населеніи тягостное недоумѣніе. Поддерживаемые правыми—вплоть до Пуришкевича кадеты выступили противъ всякой попытки воспользоваться правами Думы для того, чтобы оказать дѣйствительную помощь голодающимъ, которыхъ грабятъ герои Лидваліады. Генеральное сраженіе дано было по вопросу о полномочіяхъ думской комиссіи. Кадеты, октябристы и монархисты требовали устраненія всякаго указанія на то, что члены комиссіи могутъ делегироваться *на мѣста* для контроля надъ государственной помощью голодному населенію. Впослѣдствіи кадетская пресса изображала дѣло такъ, что рѣчь-де шла только о ненужности нарочитаго упоминанія этихъ „поѣздокъ на мѣста“, которыя могли бы предписываться комиссіей „въ случаѣ выяснившейся къ тому надобности“. Но если дѣло было такъ, почему кадетскіе лидеры отвергали *по существу* самую мысль о возможности для думской комиссіи «вторгаться» въ неподлежащую ей сферу контроля за мѣстными властями? Почему г-нъ І. Гессенъ, при аплодисментахъ реакціонной клики, обвинялъ крайнюю лѣвую въ стремленіи, подъ видомъ помощи голодающимъ, заниматься организаціей революціи? Рѣчь г. Іос. Гессена была прямо контръ-революціонной рѣчью, вполнѣ достойной октябриста. Она, какъ и другія рѣчи кадетъ, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, прямымъ отреченіемъ отъ первой Думы, которая считала себя въ правѣ отправлять своихъ комиссаровъ на театръ Бѣлостокскаго погрома. Теперь же патентованные носители завѣтовъ 1-ой Думы объявляли всякую мысль о подобной посылкѣ делегатовъ на мѣста нарушеніемъ основныхъ законовъ, вторженіемъ въ сферу прерогативъ бюрократіи. Кадетская партія, обѣщавшая чудеса отъ использованія тѣхъ минимальныхъ правъ, которыя не отняты у Думы буквой основныхъ законовъ, брала на себя малопочетную инициативу въ *ограничительномъ толкованіи* этихъ минималь-

ныхъ правъ, въ сведеніи ихъ къ нулю. И такими пріемами думаютъ убѣдить народъ въ возможности реализовать его желанія черезъ Думу!

Въ кадетахъ, конечно, говорило то паническое настроеніе, которое владѣло ими съ самыхъ выборовъ. Чтобы отбить у бюрократіи всякую мысль о разгонѣ Думы, надо, чтобы послѣдняя, елико возможно долѣе, изумляла самое бюрократію своимъ смиренномудріемъ.

Еще Щедринъ говорилъ, что оппозиція не вредна, если она не вредитъ. Кадеты вполнѣ усвоили эту истину; они забыли только, что невредящая оппозиція перестаетъ быть оппозиціей и что оппозиція, переставшая быть оппозиціей, становится... „опорой порядка".

Объ этомъ кстати напомнилъ кадетамъ г. Столыпинъ. Въ качествѣ покорнаго орудія „Совѣта объединеннаго дворянства", онъ не менѣе Пуришкевича ловитъ всякій удобный случай, чтобы унизить и скомпрометировать Думу и прежде всего ея „центральную" партію. Какъ человѣкъ, хорошо изучившій психологію кадетской партіи, онъ понялъ, что ему подвертывается превосходный случай скомпрометировать послѣднюю самымъ основательнымъ образомъ—присоединившись „всецѣло и всемѣрно" къ предложеніямъ г. Родичева. Такое присоединеніе означало не только публичную *благодарность* кадетамъ за ихъ усердіе въ дѣлѣ разоблаченія тайныхъ намѣреній соціалистовъ, но и открытое признаніе того, что въ томъ видѣ, какой ей придавали кадеты, думская комиссія представляетъ нѣчто абсолютно невинное и для правительства совершенно пріемлемое. Послѣдовавшее за тѣмъ голосованіе дало большинство кадетамъ, подкрѣпленнымъ всѣми голосами правой стороны. Врядъ ли сами кадеты могли бы удовлетворительно объяснить, что̀ они и *ихъ* точка зрѣнія пріобрѣтали въ этотъ день цѣною своего униженія передъ Пуришкевичами и Бобринскими.

Они пріобрѣли, впрочемъ, нѣсколько лестныхъ отзывовъ „Новаго Времени", „Слова" и т. п. газетъ. Однако, суровый Меньшиковъ не смягчился даже и рѣчью І. Гессена. Зато въ обществѣ поведеніе конституціоналистовъ-демократовъ встрѣчено явнымъ несочувствіемъ, и кадетской же печати пришлось доказывать, что „совпаденіе" этой партіи съ г. Столыпинымъ покоится на непониманіи этимъ послѣднимъ значенія кадетской формулы.

„Ошибочка", случившаяся съ кадетами по продовольственному вопросу, побудила ихъ, повидимому, попытаться взять реваншъ на вопросѣ о военно-полевыхъ судахъ. Въ планъ

партіи, насколько можно судить, входило поставить на очередь такую популярную мѣру, которая, вызвавъ сочувствіе въ народѣ, въ то же время не встрѣтила бы упорнаго противодѣйствія со стороны министерства. Разсчетъ былъ не безоснователенъ: особенно отстаивать военно-полевые суды правительству въ данный моментъ не къ чему, а репутацію „либерализма“ оно могло пріобрѣсти, просто уже отказавшись отъ использованія своего права затормозить теченіе законопроекта на одинъ мѣсяцъ. Послѣ заявленія Столыпина по вопросу о продовольственной комиссіи, думское большинство могло ожидать, что „либеральный“ премьеръ не захочетъ выступить идеологомъ и поэтомъ военно-полевого безобразія. Эти надежды и ожиданія, однако, не сбылись.

Вѣроятно, не малую роль въ этой неудачѣ кадетскаго плана сыграло собственное поведеніе кадетскихъ ораторовъ. Послѣ „союза 9 марта“, заключеннаго между Родичевымъ и Столыпинымъ, положеніе кадетъ стало щекотливымъ. Слухи о келейныхъ переговорахъ между кадетами и правительствомъ, пущенные газетой „Сегодня“, не могли считаться совершенно ликвидированными послѣ того, какъ г. Кутлеръ въ „Рѣчи“ засвидѣтельствовалъ *только* о томъ, что *она* въ редакцію „Слова“ (гдѣ, по сообщенію „Сегодня“, имѣло мѣсто таинственное свиданіе) не захаживалъ. Кадеты не могли не сознавать, что ихъ поведеніе 9 марта представится плохо мотивированнымъ даже довѣрчивой обывательской массѣ. Это сознаніе должно было подсказать имъ рѣшительное выступленіе по поводу военно-полевыхъ судовъ. И, дѣйствительно, ихъ выступленіе въ засѣданіяхъ 12 и 13 марта можно признать безупречнымъ. Стоя на точкѣ зрѣнія конституціоналистовъ-демократовъ, трудно было сказать больше по данному вопросу, чѣмъ сказали г.г. Гессенъ, Тесленко, Маклаковъ и примыкающіе къ кадетамъ г.г. Кузьминъ-Караваевъ и казаки Бардижъ и Петровскій. Рядомъ съ ихъ рѣчами, въ этихъ засѣданіяхъ должны были пройти незамѣтно всѣ прочія оппозиціонныя рѣчи, кромѣ рѣчей т. Алексинскаго и свящ. Тихвинскаго. Такимъ образомъ, кадеты стали въ центрѣ этой энергичной атаки на правительство, напомнившей самые бурные дни первой Думы, отъ которой—увы!—отреклась-было кадетская партія. Свой „государственный смыслъ“, свою страстную жажду „законодательствовать“ кадетская партія реализовала, использовавъ думскую трибуну для рѣзкаго обличенія междудумскаго режима, т. е. именно такъ, какъ собирались ее использовать „крайніе лѣвые“.

Дебаты 12 и 13 марта превратились въ ожесточенный бой

между думскимъ большинствомъ и кучкой мракобѣсовъ крайней правой. Послѣдніе сразу перешли изъ обороны въ наступленіе, цинично восхваляя преступленія военно-полевого кабинета и требуя отъ Думы открытаго осужденія народному террору. Эта провокація окончательно заставила кадетскую партію занять прошлогоднюю позицію, ту самую, которая, по мнѣнію мирнообновленцевъ и октябристовъ, обусловила собой весь конфликтъ Думы съ властью. Логика положенія заставила думскій центръ подчеркнуть опасную солидарность въ этомъ вопросѣ съ грѣшной первой Думой, а непристойное поведеніе кровожадныхъ Пуришкевичей и Бобринскихъ побудило даже октябристовъ высказываться противъ полевыхъ судовъ независимо отъ того, будетъ ли вынесено „осужденіе" террору со стороны Думы. Тѣмъ самымъ правительству, только что пощаженному при чтеніи декларации и обдѣлавшему выгодную аферу по продовольственному вопросу, наносилось моральное пораженіе, подобное тѣмъ, которыя претерпѣвало въ 1-ой Думѣ министерство Горемыкина. При такихъ условіяхъ „либеральный жестъ" въ видѣ великодушной готовности не тормозить думскаго законопроекта не приносилъ г. Столыпину рѣшительно никакой выгоды. И съ твердостью, достойной болѣе чистаго дѣла, онъ заявилъ, что правительство, подобно Шейлоку, намѣрено использовать до конца „законный" мѣсячный срокъ— т. е. фактически дотянуть существованіе военно-полевого закона до 20 апрѣля, когда онъ, и помимо желанія Думы, умеръ бы естественной смертью. Онъ заявилъ, что послѣ всего сказаннаго всякая предупредительность съ его стороны по отношенію къ Думѣ была бы лишь демонстраціей слабости правительства. Онъ заявилъ также, что „государственная необходимость" выше права и что во имя этой необходимости можетъ быть введена и диктатура. Словомъ, онъ наложилъ твердое veto на почти единогласное рѣшеніе Думы прекратить военно-полевой разбой и объявилъ открытую войну думскому большинству.

Въ результатѣ засѣданій 12—13-го марта ликвидированы результаты «благоразумной» политики кадетскихъ руководителей второй Думы. Зловѣщая тѣнь конфликта и разгона вновь нависла надъ Таврическимъ дворцомъ. Реалисты самодержавія разсѣяли туманъ, навѣянный романтиками либерализма. Отъ хитроумнаго плана премудрыхъ пискарей—обмануть дѣйствительность—ничего не осталось... кромѣ горькаго осадка въ душѣ Родичева, котораго 9-го марта публично облобызалъ оберъ-командиръ всѣхъ россійскихъ палачей. «Право есть сила», объявило самодержавное правительство и тѣмъ показало дум-

скому большинству, что на очереди дня стоитъ одно лишь благоразуміе—благоразуміе революціоннаго реализма.

III.

Протекшія три недѣли дали нѣкоторый матеріалъ для оцѣнки политической физіономіи думскихъ партій.

Руководящую роль, какъ и въ первой Думѣ, играетъ кадетскій центръ, нынѣшняя политическая физіономія котораго достаточно освѣщалась въ нашихъ сборникахъ. Этотъ центръ (партія к.-д. и примыкающія къ ней группы казаковъ и мусульманъ) сохраняетъ большинство, умѣло балансируя между лѣвой и правой Думы. На правой сторонѣ онъ можетъ обыкновенно разсчитывать на лѣвыхъ октябристовъ (Капустинъ и др.) и на (по существу реакціонное) польское коло. Съ лѣвой стороны его поддерживаютъ безпартійные депутаты „лѣвѣе к.-д." и значительная часть народнически-трудового блока. Когда большинство послѣдняго голосовало противъ к.-д. (противъ предложенія Родичева 9 марта), это значило, что позиція к.-д. достаточна реакціонна, чтобы за нее голосовалъ даже „союзъ русскаго народа".

Группировка партій въ Думѣ съ самого начала опровергла шаблонныя представленія нашихъ большевиковъ, нашедшія свое выраженіе въ ихъ требованіи не заключать съ к.-д. соглашенія о выборѣ президіума и не пускать ихъ въ „информаціонное бюро" оппозиціи. Предлагая противопоставить кандидатурѣ г. Головина кандидатуру трудовика, большевики совѣтовали воспользоваться этимъ, чтобы „произвести подсчетъ" силамъ „лѣваго блока". Думается, что дальнѣйшее теченіе дѣлъ ясно показало имъ, что, въ случаѣ принятія ихъ плана, этотъ подсчетъ далъ бы двусмысленные результаты. Это достаточно показало голосованіе по вопросу о принятіи мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ послѣ декларации министерства. Вопросъ былъ затронутъ гораздо менѣе формальнаго свойства, чѣмъ въ день выбора президіума, и, тѣмъ не менѣе, на сторонѣ лѣвой—по отношенію къ к.-д.—тактики оказались одни соціалдемократы. Это голосованіе и его предварительная исторія показала ясно, что „революціонная демократія", которую большевики усматриваютъ въ народнически-трудовомъ блокѣ, представлена во второй Думѣ довольно слабо.

Въ самомъ дѣлѣ. Изъ всей народнической лѣвой только небольшая группа „народныхъ соціалистовъ", да, пожалуй, еще группа крестьянскаго союза, автономно входящая въ составъ

трудовой группы, проявляютъ тенденцію выработать самостоятельную радикальную и демократическую тактику, свободную отъ специфическихъ чертъ „кадетизма“. Значительное большинство трудовой группы отличается умѣренностью и „осторожностью“ совершенно ка-детской. Физіономія этой группы второй Думы должна рѣшительно предостеречь всякаго отъ *переоцѣнки революціонной зрѣлости* крестьянской демократіи. Нѣтъ основаній думать, чтобы новая трудовая группа уступала группѣ первой Думы въ политической оппозиціонности, чтобы она была склонна жертвовать „волей“ ради „земли“. Но по мѣрѣ того, какъ этотъ усвоенный крестьянской демократіей лозунгъ „земля и воля“ теряетъ въ ея представленіи примитивно-романтическій характеръ и конкретизируется въ политической тактикѣ, выясняется съ очевидностью, что политическій уровень сельской демократіи, во всякомъ случаѣ, не выше уровня городской и что болѣе *непосредственный* демократизмъ первой, если и облегчаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ взаимное пониманіе между нею и пролетаріатомъ*), то никакъ не можетъ служить началомъ для освобожденія ея политики отъ вліянія буржуазной демократіи города.

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ народниковъ воспѣдаетъ довольно внушительная группа соціалистовъ-революціонеровъ. Къ удивленію многихъ—мы лично ничего другого не ожидали—эта группа оказалась гораздо „правѣе“, по своей тактикѣ, прошлогодней трудовой группы. Всѣ ея выступленія въ Думѣ показываютъ, что группа не имѣетъ никакихъ революціонныхъ принциповъ тактики и менѣе всего способна оказать противодѣйствіе кадетскому вліянію на крестьянскую лѣвую. Рѣчи ораторовъ партіи с.-р-овъ въ засѣданіяхъ 12-го—13-го марта, гдѣ партія была непосредственно атакована черной бандой, производятъ очень невыгодное впечатлѣніе. Въ лучшей изъ нихъ—депутата Архангельскаго—правильное освѣщеніе вопроса о причинахъ, вызывающихъ красный терроръ, чередуется съ умѣренно-либеральными фразами о томъ, какъ „мы“ жаждемъ „мирной, культурной работы“, время которой наступитъ при политической свободѣ. Въ первые годы существованія партіи с.-р. такія нотки громко звучали въ ея литературѣ, наглядно свидѣтельствуя о томъ, что ихъ критика соціализма, основывающагося на классовой борьбѣ, носитъ ультра „бернштейні-

*) При обсужденіи въ трудовой группѣ вопроса объ отводѣ кандидатуры г. Тесленко соціалдемократіей—въ виду московскаго конфликта к.-д. съ рабочими—крестьянскіе депутаты, вопреки нѣкоторымъ лидерамъ, высказались за то, что итти «противъ рабочихъ» имъ не годится.

анскій" характеръ. Но впослѣдствіи, раченіемъ г. В. Чернова, эти нотки были удалены изъ партійнаго обихода и мы только и слышали отъ партіи обвиненія нѣмецкихъ марксистовъ въ томъ, что ихъ тактика въ конституціонной Германіи носитъ черезчуръ „мирный, конституціонный" характеръ. Старанія г. Чернова, однако, пропали даромъ и, въ лицѣ своей думской фракціи, соціалисты-революціонеры сразу показали міру, что ихъ соціализмъ революціоненъ только въ предѣлахъ самодержавія.

Характерно въ своемъ родѣ было и заявленіе другого с.-р., г. Ржехина, который, говоря о популярности „тираноубійцъ" среди народныхъ массъ, не нашелъ лучшаго историческаго примѣра, какъ... примѣра убійства Марата Шарлоттой Корде. Маратъ въ качествѣ „тирана" и почти „кадетка" Шарлотта Корде въ роли чуть ли не Коноплянниковой—это въ устахъ соціалиста-революціонера не дурной комментарій къ позиціи петербургскихъ эс-эровъ въ періодъ предвыборной агитаціи „лѣваго блока" противъ кадетъ!

Неудивительно, что г. Столыпинъ, которому либеральные ораторы указывали на столь „умѣренныхъ" с-ровъ, счелъ нужнымъ, ссылаясь на оффиціальные документы партіи, выразить вѣжливое предположеніе, что думскіе с.-р. лишь „по созвучію именъ" причисляются къ „соціалистическимъ и революціоннымъ партіямъ", на дѣлѣ же весьма далеки отъ нихъ.

Третья фракція народниковъ—„народные соціалисты"—сразу проявила въ Думѣ значительно высшій уровень политическаго пониманія. Правда, она поддалась вліянію народническаго большинства, отказавшись отъ первоначальнаго своего намѣренія нарушить „обѣтъ молчанія", заказанный Думѣ кадетами и соц.-революціонерами по случаю декларацiи министерства. Но, въ общемъ и цѣломъ, группа держится гораздо опредѣленнѣе остальныхъ народническихъ фракцій и прежде всего проявляетъ внутреннюю дисциплину, подобную той, какую обнаруживаетъ с. д. фракція. Теперь уже съ увѣренностью можно сказать, что крестьянская демократія въ Думѣ въ той мѣрѣ будетъ вести правильную линію, въ какой руководящимъ вліяніемъ въ ней будетъ пользоваться группа народныхъ соціалистовъ, наименѣе „деревенская" по своему происхожденію, а потому и наиболѣе способная къ самостоятельной парламентской тактикѣ.

Расплывчатый характеръ нынѣшней трудовой группы всецѣло опредѣляется тѣмъ, что она исторически является собраніемъ всѣхъ, вообще, оппозиціонныхъ крестьянъ. Съ самого

открытія Думы начался переходъ въ ея ряды крестьянъ, выбранныхъ подъ флагомъ „монархизма“, т.-е. попросту „несознательныхъ крестьянъ. Этотъ процессъ перехода справа налѣво еще не завершился. Такое пополненіе трудовой группы гарантируетъ ей „почвенность“, духовную связь съ рядовымъ крестьянствомъ, но оно же—при слабой политической сознательности этого послѣдняго—надолго дѣлаетъ эту группу ненадежной попутчицей для революціонныхъ партій.

Сказанному большевики могутъ противопоставить голосованіе 9 марта по поводу формулы Родичева, когда противъ кадетско-монархистскаго блока вотировала сплоченная лѣвая. Большевики много говорили о томъ, что это голосованіе „блестяще подтвердило“ ихъ схему революціоннаго союза крестьянства и пролетаріата, противостоящаго абсолютизму и „соглашательской“ буржуазіи. Однако, этотъ случай ничего не доказываетъ. Кадеты черезчуръ—даже съ своей точки зрѣнія—„перегнули палку“ вправо и безъ всякой для себя нужды *заставили* трудовиковъ голосовать вмѣстѣ съ с.-д. противъ кадетовъ. При этомъ 28 трудовиковъ во главѣ съ лидеромъ Караваевымъ *голосовали противъ собственной фракціи, вмѣстѣ съ к.-д. и правыми*. Такъ, значитъ, сильно идейное вліяніе к.-д. на крестьянскихъ депутатовъ! Съ другой стороны, кадеты взяли такъ круто вправо, что вопреки обычной строгой дисциплинѣ въ ихъ фракціи, *одиннадцать* человѣкъ голосовало за предложеніе лѣвыхъ. Сопоставленіе этихъ двухъ фактовъ только подтверждаетъ уже высказывавшуюся мысль, что иной „лѣвый кадетъ“ представляетъ болѣе радикальный и демократическій типъ, чѣмъ иной „правый трудовикъ“.

Тов. Алексинскій, говоря въ Думѣ по поводу союза правыхъ съ к.-д., высказалъ ту мысль, что единеніе к.-д. съ лѣвыми возможно лишь на вопросахъ политической борьбы, тогда какъ стоитъ выступить на сцену вопросамъ соціальнымъ, какъ обнаруживается классовое родство между либералами и монархистами и ихъ блокъ противостоитъ крестьянамъ и рабочимъ. Обобщеніе слишкомъ поспѣшное. Всякій понимаетъ, это возмутителеное поведеніе к.-д. въ голосованіи и дебатахъ 9 марта отнюдь не вызывалось ихъ реакціоннымъ отношеніемъ къ такому соціальному вопросу, какъ борьба съ крестьянскими голодовками. Напротивъ: эта борьба, нисколько не выходящая за предѣлы буржуазно-либеральной соціальной политики, всего легче могла бы объединить либерализмъ съ крестьянской массой. Не объ интересахъ, скажемъ, аграріевъ пеклись кадеты, отвергая единственно-серьезный способъ двинуть впередъ дѣло

помощи голодающимъ. Они отвергали его во имя оппортунистической тактики по отношенію къ правительству. И на этой почвѣ они могли увлечь за собою даже часть прямыхъ представителей крестьянства. Съ другой стороны, въ вопросахъ чистой политики кадеты и въ ближайшее время нерѣдко будутъ вмѣстѣ съ правыми (хотя бы съ октябристами) противостоять представителямъ пролетаріата и нельзя не сомнѣваться, что часть крестьянской демократіи въ этомъ случаѣ будетъ тяготѣть къ кадетамъ—не по принципіально-программнымъ, конечно, соображеніямъ, а по тактически оппортунистическимъ.

Въ какой мѣрѣ однородна нынѣшняя кадетская фракція Думы,—пока еще трудно судить. Мы знаемъ только, что крайній правый ея флангъ занимаютъ г.г. „идеалисты"—Струве и Булгаковъ и что на лѣвомъ флангѣ имѣются люди, избранные въ качествѣ именно „лѣвыхъ кадетъ". Неизвѣстно, каково численное отношеніе лѣвыхъ и правыхъ и насколько одни дифференцировались отъ другихъ Тяготѣніе къ кадетамъ трудовиковъ слѣва и поляковъ и октябристовъ справа должно будетъ въ дальнѣйшемъ усилить эту дифференціацію и не невозможно, что уже во второй Думѣ правый и лѣвый кадетизмъ опредѣленно противостанутъ другъ другу, какъ умѣренный „государственный" либерализмъ и буржуазно-демократическій и крестьянофильскій радикализмъ.

Говоря о правой сторонѣ Думы, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что г.г. „монархисты" вполнѣ оправдали возлагавшіяся на нихъ демократіей надежды. Исполняя въ Думѣ похвальную роль пьяныхъ илотовъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, удачно провоцируютъ правительство на срываніе всякихъ фиговыхъ листовъ, прикрывающихъ его наготу. За короткое время, протекшее съ открытія второй Думы, монархисты дали громадный матеріалъ для разъясненія народу, чьимъ классовымъ интересамъ служатъ „истинно-русскіе" люди.

Не прикрытый цинизмъ этихъ послѣднихъ ускорилъ процессъ неизбѣжнаго выдѣленія изъ праваго блока умѣренно консервативныхъ октябристовъ. Эта, сравнительно менѣе азіатская часть русскихъ монархистовъ и консерваторовъ, почти безнадежно скомпрометировавшая себя въ періодъ бездумья явнымъ покровительствомъ погромщикамъ, теперь, со вступленіемъ въ Думу, вновь должна отмежеваться отъ черезчуръ припахивающихъ третьимъ отдѣленіемъ „союзниковъ". При всей своей реакціонности, октябристы все же не просто—зависимая отъ полиціи паразитическая группа,—они представляютъ собой опредѣленныя группы буржуазнаго общества. Поэтому, въ ор-

ганѣ общественнаго представительства они, даже въ виду „революціоннаго“ большинства Думы, должны проявить оппозицію къ режиму, отрицающему въ корнѣ всякое представительство. Конечно, въ глубину октябристской оппозиціонности вѣрить не приходится, но ея проявленій достаточно, чтобы внести новое разложеніе въ станъ правительственныхъ прихвостней, изъ которыхъ даже „Новое Время“ считало нужнымъ свою гнусную работу совершать не подъ флагомъ Пуришкевича, а подъ флагомъ Гучкова.

Наличность сравнительно значительной правой въ видѣ первобытной черносотенно-хулиганской реакціи „истинно-русскихъ“ и модернизированнаго консерватизма „лѣвыхъ“ октябристовъ значительно повышаетъ объективную цѣнность новой Думы для дѣла политическаго воспитанія народа. Если-бы Пуришкевичи, Платоны и херсонскіе аграріи не пролѣзли въ Думу иждивеніемъ администраціи, ихъ слѣдовало-бы выдумать... для пользы революціи.

Л. Мартовъ.

Дума и черная сотня.

Черносотенная клика не даромъ боролась противъ созыва Думы и не даромъ напрягаетъ теперь всѣ усилія, чтобы добиться ея скорѣйшаго разгона. У рыцарей чернаго креста есть достаточно причинъ ненавидѣть Думу. Она ненавистна имъ не только потому, что, при всемъ безвластіи и безсиліи, она служитъ могучимъ орудіемъ въ борьбѣ народа за свободу; не только потому, что съ высоты ея трибуны звучатъ на всю страну оппозиціонныя и революціонныя рѣчи; не только потому, что, вовлекая широкія массы въ политическіе интересы и политическую борьбу, она тѣмъ самымъ даетъ могучій толчекъ кристаллизаціи, „собиранію“ однородныхъ соціальныхъ элементовъ и организаціи народныхъ силъ. Всего этого, разумѣется, было бы вполнѣ достаточно, чтобы внушить крѣпостникамъ жгучую ненависть къ Думѣ. Но ко всѣмъ этимъ „преступленіямъ“ Думы присоединяется еще одно, которое дѣлаетъ ея *смерть* условіемъ sine qua non *жизни* черносотеннаго братства. Это послѣднее, самое тяжкое „преступленіе“ состоитъ въ томъ, что дѣятельность на думской аренѣ, какъ и на всякой открытой политической аренѣ, страшно ускоряетъ процессъ разложенія того конгломерата разнородныхъ соціальныхъ элемен-

товъ, который собрался подъ „истинно-русскимъ“ знаменемъ.

„Командующимъ“ классомъ «истинно русской» арміи является, какъ извѣстно, крѣпостническое дворянство. «Дикій помѣщикъ», начиная отъ давно прославившихся своею «дѣятельностью» г.г. Пуришкевичей, Крупенскихъ и графовъ Бобринскихъ и кончая «полированными», сановными господами, скрывающимися отъ взоровъ простыхъ смертныхъ въ заоблачныхъ высотахъ,—вотъ кто является дѣйствительнымъ хозяиномъ и господиномъ черносотеннаго союза. Это—тотъ самый «цивилизованный» баринъ, котораго достаточно поцарапать, чтобы увидѣть «татарина», такъ привольно чувствовавшаго себя подъ покровомъ «національной» политики 80-хъ годовъ съ ея воспособленіями, земскими начальниками, крестьянскимъ и дворянскимъ банками, таможенными пошлинами и пр. и пр.

Теперь самымъ „священнымъ“ интересамъ этого „истинно-русскаго“ татарина стала грозить смертельная опасность. Революція поражаетъ его въ первую голову. Она грозитъ наложить руку на его земли. Ослабляя самодержавно-бюрократическое правительство, стремясь передать власть въ руки буржуазіи, она грозитъ лишить «дикаго помѣщика» возможности жить отъ казенныхъ щедротъ. Крѣпостническое дворянство уже не можетъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ, состоя на службѣ у государственной власти и являясь простымъ исполнителемъ ея «предначертаній» на мѣстахъ. Оно вынуждено встать на свои собственныя ноги и стремиться подчинить себѣ государственную власть. Оно было слугой этой власти, теперь оно хочетъ стать ея господиномъ. И это ему до поры до времени удается, ибо бюрократія уже перестала быть самодовлѣющей силой, она уже вынуждена быть *слугой* какого-либо опредѣленнаго соціальнаго слоя, а самымъ «родственнымъ» ей слоемъ является именно благородное сословіе привилегированныхъ паразитовъ.

Но разъ «дикій помѣщикъ» вынужденъ встать на свои собственныя ноги, то и для подчиненія себѣ правительственной власти, и для борьбы съ революціей, ему необходимо было создать свою собственную организацію, выдвинуть своихъ собственныхъ «вождей». И онъ сдѣлалъ это. Онъ создалъ «истинно-русскую» организацію, нашелъ себѣ «невидимыхъ» вождей изъ среды старой бюрократіи, и выдвинулъ на авансцену «цвѣтъ» своего «офицерства». И какъ бы нарочно для того, чтобы подчеркнуть антикультурную природу крѣпостническаго движенія, «офицерство истинно-русскаго» дворянства оказалось чуть-ли не въ большинствѣ своемъ—молдаванскаго происхожденія. Молдавія, наиболѣе отсталый въ соціальномъ отношеніи уголокъ

Россіи, дала отечеству и дворянству и Пуришкевича, и Крупенскаго, и Синадино, и Крушевана и многихъ другихъ.

Однако, одного офицерства оказалось мало для того, чтобы фигурировать на исторической сценѣ въ качествѣ соціальной силы. Нужна была армія. Барину пришлось итти въ народъ Но въ «народѣ» мало элементовъ, которые могли-бы воспріять, какъ *свою*, чистую программу крѣпостническаго дворянства. «Князья церкви», ростовщики и герои кабальной эксплуатаціи «мужичка», да, пожалуй, еще нѣкоторые элементы деревни, сумѣвшіе скопить — копѣечка на копѣечку — кой какой капиталецъ и обзавестись «землицей»—вотъ все, на что можно было разсчитывать Но этого мало. Чтобы расширить свою армію и придать ей хоть сколько-нибудь характеръ массовой силы, приходилось *приспособлять* свою «программу» къ потребностямъ агитаціи въ массахъ, приходилось затушевывать «дворянскій» характеръ программы и вводить въ нее обильный элементъ демагогіи. Не будучи въ состояніи построить свою «программу» на основѣ дѣйствительныхъ потребностей городскихъ и сельскихъ массъ—ибо эти потребности стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами крѣпостническаго дворянства—«дикій помѣщикъ» припоровилъ ее къ использованію тѣхъ отсталыхъ, реакціонныхъ формъ, въ которыхъ, подъ вліяніемъ традицій прошлаго, смутно бродятъ въ душѣ несознательныхъ массъ ихъ нарождающіяся новыя потребности.

Такимъ путемъ удалось взять на буксиръ истинно-русской» программы нѣкоторые слои «хозяйственнаго» крестьянства и захолустнаго мѣщанства. Но совершенно очевидно, что этотъ противоестественный союзъ подъ знаменемъ «истинно-русскихъ» интересовъ не можетъ существовать долго. Само демагогическое использованіе предразсудковъ массъ должно вести къ усиленному отмиранію этихъ реакціонныхъ предразсудковъ и взращиванію подлиннаго, классоваго «разсудка». А каждый новый шагъ на этомъ пути означаетъ новую трещину въ только что наскоро сколоченномъ «истинно-рускомъ» зданіи.

Понятно, насколько дѣятельность Государственной Думы, перебирающей, одинъ за другимъ, всѣ „больные“ вопросы русской соціальной, политической и экономической жизни, требующей по каждому изъ этихъ вопросовъ къ отвѣту „истинно-русскихъ“ помѣщиковъ,—понятно, насколько эта дѣятельность ускоряетъ процессъ разложенія черносотенной рати. Продолженіе дѣятельности Государственной Думы грозитъ свести на нѣтъ всѣ усилія крѣпостниковъ, затраченныя на созданіе своей арміи, грозитъ очень скоро оставить ихъ—какъ тои соотвѣт-

ствуетъ ихъ соціальному положенію—въ полномъ соціальномъ одиночествѣ.

Первые-же дни работъ Государственной Думы привели къ тому, что „умѣренные" крестьяне и мѣщане, въ большинствѣ своемъ, выдѣлились изъ состава той черносотенной группы, подъ знаменемъ которой они прошли въ Думу. Они, разумѣется, не перешли на „лѣвую" сторону, но они уже почувствовали какую-то разницу между своими интересами и интересами тѣхъ дворянъ и епископовъ, которые, какъ настоящіе „баре", заняли первыя скамьи на крайней правой, отпихнувъ на заднія мѣста приведенный съ собою „народъ". Господа Крупенскіе, графы Бобринскіе и имъ подобные могутъ восхвалять на всѣ лады военно-полевую „трудоспособность императорскаго правительства" и отвѣшивать ему „низкіе поклоны". „Правые" крестьяне и мѣщане этого не сдѣлаютъ: отчасти просто потому, что имъ это „ни къ чему", отчасти потому, что та соціальная среда, изъ которой они вышли и въ которую имъ, въ концѣ концовъ, предстоитъ вернуться, не потерпитъ такого колѣнопреклоненія передъ организаторами карательныхъ экспедицій, а отчасти и потому, что они въ самое „черносотенство" вовлечены демагогической „критикой" этого самаго правительства, критикой, игравшей на смутныхъ соціальныхъ инстинктахъ массъ, „славянофильски" обливавшей помоями министровъ, обвинявшей ихъ въ „жидовствѣ", „измѣнѣ", требовавшей ихъ отставки и пр. и пр. каждый разъ, когда ревнителямъ интересовъ „дикаго помѣщика" казалось, что поколебавшаяся государственная власть недостаточно энергично защищаетъ эти интересы Весьма знаменательно, что „правые" крестьяне, въ разрѣзъ съ „правыми" дворянами, голосовали противъ военно-полевыхъ судовъ.

Что это отдѣленіе крестьянъ отъ „господъ" не случайно, показываютъ постоянно попадающіяся въ газетахъ извѣстія о томъ, какъ попадаются „въ просакъ" „народные" элементы черносотеннаго союза, готовые принимать резолюціи съ самыми радикальными политическими и соціальными требованіями при томъ только условіи, чтобы воздавалась должная дань ихъ традиціоннымъ, „до-конституціоннымъ" предразсудкамъ.

Но на выдѣленіи крестьянъ и мѣщанъ процессъ внутридумскаго разложенія черносотенной группы—прообразъ внѣдумскаго распада „истинно-русской" рати—не остановился.

Армія ушла. На скамьяхъ крайней правой осталось одно офицерство. Но уже обнаружилось, что и въ этомъ офицерствѣ существуютъ элементы разнородные.

Мы уже говорили, что для созданія арміи „благородному" сословію пришлось прибѣгнуть къ демагогіи. Но демагогія не-

развлучна съ пробужденемъ „Ахеронта“. Она неразлучна съ „жидотрепаніемъ“, съ апелляціей къ „народу“, къ „народнымъ силамъ“, къ „народному движенію“. Она обостряетъ борьбу, и въ этомъ ея революціонное значеніе, хотя борьба разбуженныхъ и натравленныхъ ею массъ и направляется сначала по отвратительному руслу погромовъ, грабежей, убійствъ.

Но само собою понятно, что само „благородное“ дворянство, по всему своему складу, мало пригодно для такой демагогической роли, которая неизбѣжно приводитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ самыми глубокими „низами“. Съ другой стороны, ему и незачѣмъ самолично „руки пачкать“. Оно можетъ „нанять“ для этой цѣли „спеціалистовъ“—изъ тѣхъ деклассированныхъ полуинтеллигентныхъ отбросовъ, рыцарей темной наживы и темныхъ дѣлъ, которые въ такомъ огромномъ количествѣ порождаются глубокимъ переломомъ въ соціальномъ развитіи общества. Въ преимущественное вѣдѣніе этихъ „спеціалистовъ“ переходятъ грязныя дѣла и возня съ „народомъ“. Господа Крупенскіе и Бобринскіе и иже надъ ними „командуютъ“, Крушеваны „дѣйствуютъ“.

Но чѣмъ отчаяннѣе становится положеніе „господъ“, чѣмъ больше приходится напрягать усилій въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ больше выдвигаются на первый планъ „народныя дѣйствія“, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ въ „истинно-русскомъ“ союзѣ ихъ низы и соприкасающіеся съ этими низами „спеціалисты“. Можно поручиться, что „нашъ цыганъ“ болѣе „популярное“ лицо въ „истинно-русскихъ“ *низахъ*, чѣмъ гг. Крупенскіе и Пуришкевичи. Съ ростомъ значенія „низовъ“, гг. Крушеваны изъ разряда просто наемныхъ бандитовъ переходятъ въ разрядъ „руководителей“, лидеровъ, втираются въ „офицерство“. Такъ въ былое время начальники наемныхъ дружинъ превращались въ барономъ и графовъ. Господа помѣщики, конечно, отлично знаютъ цѣну своимъ наемнымъ проходимцамъ. Но они вынуждены не только терпѣть ихъ, но и быть съ ними „на равной ногѣ“.

Однако, неоднородность состава „истинно-русскаго“ офицерства уже дала знать себя Думѣ. Господа Бобринскіе и Крушеваны говорятъ въ сущности на разныхъ языкахъ. Первые славословятъ непрерывно правительство. Отъ Крушевана мы еще не слышали такихъ славословій (по „своему дѣлу“ не привыкъ!). Первые почти не упоминаютъ объ евреяхъ. Крушеванъ слова не можетъ сказать безъ того, чтобы не обругать „жидовъ“ (тутъ, наоборотъ, по тому-же „своему дѣлу“ привыкъ!). Первые стараются говорить, какъ истые „господа“. Крушеванъ, какъ

настоящій пьяный хамъ, попавшій въ хоромы, непрерывно увѣряетъ всѣхъ въ томъ, что онъ—„бла-ародный человѣкъ“ и настаиваетъ, что вся Дума „должна съ благодарностью встать“ передъ нимъ, такимъ „извѣстнымъ“ „дѣятелемъ“. Наконецъ,—и это самое важное—первые непрерывно взываютъ о „твердой власти“, которая де и „спасетъ Россію“, а Крушеванъ продолжаетъ апеллировать къ народу, который „самъ встанетъ, пойдетъ и все снесетъ“, и голосуетъ даже за отмѣну военно-полевыхъ судовъ, ибо такая отмѣна дастъ „право“ крестьянамъ „своими средствіями“ вести борьбу „съ эксплуататорами“. Можно себѣ представить, съ какою злобою слушаютъ эти рѣчи „христіанскаго соціалиста“ титулованные и нетитулованные „дикіе помѣщики“, которымъ какъ разъ теперь Румынія показала, куда въ концѣ концовъ приводитъ затѣянная ими демагогическая игра!

А между тѣмъ господа Крушеваны не только не желаютъ отступать на задній планъ передъ своими „работодателями“, но, опираясь на свою силу и „популярность“ въ черносотенныхъ низахъ, стремятся оттѣснить на задній планъ самихъ бывшихъ „хозяевъ“. Въ нѣдрахъ „союза русскаго народа“ какъ разъ теперь кипитъ война изъ-за того, что большинство совѣта выбрало представителемъ, на мѣсто уѣзжающаго „въ Іерусалимъ“ Дубровина, никого иного, какъ самого г. Крушевана. Помѣщикамъ, устраивавшимъ для своихъ надобностей организацію бандитовъ, грозитъ опасность стать въ положеніе *слугъ* этихъ самыхъ бандитовъ! Понятно, почему такъ вскопошилось все осиное гнѣздо, почему дворяне протестуютъ, почему Крушевану ставятъ въ вину голосованіе за отмѣну военно-полевыхъ судовъ и приверженность къ „надѣленію крестьянъ землею“, и почему вдругъ открыто признается, что не только приходится „опасаться за судьбу союзныхъ денегъ, которыя перейдутъ въ руки Крушевана“, но и „происхожденіе“ то этотъ „истинно-русскій“ патріотъ имѣетъ „инородческое“! (См. „Народная Дума“, № 7).

Таковъ, вполнѣ наглядный распадъ черносотенной рати. Связь между ускореніемъ этого распада и „выступленіями“ черносотенцевъ въ Думѣ очевидна. Понятно, почему роспускъ Думы является послѣднимъ средствомъ спасенія для „дикихъ помѣщиковъ“ и почему они замахиваются на нее „чернымъ крестомъ“.

Ф. Данъ.

Жоресъ и тактика германской соціалдемократіи.

II.

Какъ во Франціи и Австріи, такъ и въ Пруссіи общая воинская повинность была введена послѣ военнаго пораженія. Но кончившаяся пораженіемъ битва при Іенѣ произошла за 60 лѣтъ до пораженія при Кениггрецѣ, въ такое время, когда Германія походила еще на благонравную дѣтскую. И если послѣдними событіями въ жизни австрійской и французской арміи были пораженія, то прусская армія со времени введенія общей воинской повинности имѣетъ за собой въ тѣхъ 4-хъ войнахъ, которыя преобразили внѣшній обликъ Европы, почти однѣ только побѣды; начиная Гросбейреномъ, Ренневицомъ, Лейпцигомъ, Ватерлоо и кончая Кениггрецомъ, Метцомъ, Седаномъ и т. д. И это были все побѣды всего вооруженнаго народа, а не только изолированной отъ народа солдатской касты.

Благодаря этой столѣтней опьяняющей традиціи общей воинской повинности, духъ милитаризма проникъ въ населеніе Пруссіи гораздо глубже, чѣмъ въ какой-либо другой культурной странѣ; его традиціи сильно вкоренились и могутъ быть лишь очень медленно поколеблены подъемомъ пролетаріата и соціалистической пропагандой; только какія-нибудь крупныя событія могутъ сразу уничтожить престижъ арміи въ глазахъ индиферентной массы.

А солдаты этого проникнутаго милитаризмомъ народа находятся подъ командой офицерства, которое болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, замкнулось въ тѣсную касту, не висящую, однако, въ воздухѣ, а образующую плоть отъ плоти юнкеровъ, т. е. того класса, который господствуетъ надъ всей имперіей. Нигдѣ офицера не чувствуютъ себя столь единодушными и солидарными, какъ въ Пруссіи; нигдѣ они не связаны такъ тѣсно съ правительствомъ и господствующими классами, какъ въ Пруссіи. Поэтому офицерство видитъ въ военной дисциплинѣ не гнетъ, налагаемый извнѣ, а внутреннюю необходимость, вытекающую изъ солидарности противъ „канальи“, солидарности, послѣдствія которой принимаются съ радостью. Тамъ, гдѣ въ верхахъ царитъ такая строгая дисциплина, она съ неумолимой послѣдовательностью проводится и по отношенію къ низимъ, уничтожаетъ всякое выраженіе самостоятельности, которое могло бы быть внесено въ казармы критическимъ духомъ пролетаріата.

При нынѣшнемъ положеніи военнаго дѣла это невыгодно дл

боевой способности арміи. При быстротѣ, съ какой мѣняется военная техника, свободная критика всего стараго, какъ и всего новаго становится прямой необходимостью, если желаешь сохранить правильную среднюю линію между китайщиной и модными увлеченіями. Само собой разумѣется, что эта критика должна быть не только свободной, но и добросовѣстной и компетентной; безъ этихъ послѣднихъ двухъ качествъ критика превращается въ пустую болтовню, а въ лучшемъ случаѣ въ напрасную трату времени.

Но современныя войны требуютъ самостоятельности каждаго солдата и способности его приспособляться ко всякой непредвидѣнной ситуаціи; иниціатива и смѣлость нужны не только для того, чтобы рисковать своей жизнью, но и для того, чтобы, въ случаѣ надобности, умѣть дѣйствовать на собственный страхъ и рискъ, не ожидая приказаній сверху.

Но ни въ какой другой арміи критика и иниціатива такъ не подавляются, какъ въ арміи германской, именно благодаря господству въ ней желѣзной дисциплины. Быстрое развитіе германской промышленности уравновѣшиваетъ отчасти отсутствіе критики, поскольку дѣло касается развитія военной техники. Но какъ разъ это развитіе въ свою очередь создаетъ революціонный пролетаріатъ, что снова даетъ военному начальству поводъ удвоить послушаніе солдатъ.

Это сильно понижаетъ боевую способность нѣмецкой арміи по отношенію къ внѣшнему врагу, но превращаетъ ее въ вѣрно дѣйствующее средство для подавленія „внутренняго врага“ до тѣхъ поръ, пока гнетъ дисциплины не превратится въ свою противоположность, пока онъ не почувствуется каждымъ солдатомъ и не станетъ для всей массы солдатъ невысимымъ бременемъ, которое армія постарается сбросить при первомъ случаѣ, какъ только она натолкнется на противодѣйствіе.

Конечно, прежде всего вліяніе арміи на внутреннее положеніе выражается психологически, а не механически. Съ этимъ факторомъ считаются оппозиція и правительство. Правительство болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, чувствуетъ себя независимымъ отъ всякихъ народныхъ движеній, которыя оно въ томъ случаѣ, когда эти народныя движенія принимаютъ непріятный характеръ, скорѣе готово подавить силой, чѣмъ успокаивать дипломатическими сдѣлками. Съ другой стороны, нужна особенно смѣлая оппозиція, чтобы рѣшиться на серьезный конфликтъ съ правительствомъ, который только тогда можетъ кончиться счастливо для нея, когда ей удастся путемъ народнаго движенія принудить правительство къ капитуляціи.

На этой основѣ покоится то, что принято называть личнымъ режимомъ—названіе совершенно неподходящее. Ибо въ правительствѣ, какъ и въ арміи, рѣшающая сила принадлежитъ аграрнымъ юнкерамъ, и тенденціи личнаго режима лишь на столько проводятся, на сколько они совпадаютъ съ тенденціями юнкерства. Правда, совпаденіе это уже заранѣе предрѣшено традиціями и личными интересами.

Рядомъ съ арміей громадной силой въ Пруссіи является и бюрократія. Въ этомъ она сходна съ французской бюрократіей, но въ Пруссіи нѣтъ того взаимодѣйствія между парламентаризмомъ и бюрократіей, которое дѣлаетъ послѣднюю непостоянной. Прусская бюрократія остается въ постоянной полной зависимости отъ юнкерства и въ полномъ подчиненіи у арміи, которая чувствуетъ себя верховной владычицей государственнаго организма. Это относится ко всѣмъ чиновникамъ вплоть до университетскихъ профессоровъ. Тутъ нѣтъ мѣста демократическимъ или оппозиціоннымъ тенденціямъ, какъ мы видимъ это у нѣкоторыхъ, находящихся на государственной службѣ интеллигентовъ въ Австріи, Франціи и Англіи. Вся, оплачиваемая правительствомъ интеллигенція, дѣйствуетъ въ Пруссіи не только, какъ въ другихъ мѣстахъ, по долгу службы, но стремится съ полнымъ убѣжденіемъ и воодушевленіемъ къ тому, чтобы подавить всякое проявленіе и усиленіе самостоятельности пролетаріата и народа вообще. Прусскіе судьи и прусскіе учителя послужили въ этомъ отношеніи образцомъ для всей Германіи, но за предѣлами ея не найдутъ себѣ равныхъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

Когда прусская буржуазія окрѣпла и по заграничному примѣру въ Пруссіи стало развиваться либеральное движеніе, буржуазія эта хотѣла, конечно, здѣсь, какъ и вездѣ въ другихъ странахъ, завладѣть государственной властью или по крайней мѣрѣ добиться вліянія на нее. Но при такомъ могуществѣ государственной власти задача либераловъ была особенно трудна; для этого нужна была необыкновенно смѣлая и сильная буржуазія, которая не побоялась бы двинуть Ахеронтъ, чтобы внушить господствующимъ властелинамъ необходимый респектъ.

Наиболѣе благопріятны для буржуазіи были годы 1840—1864. Это было время наибольшей слабости прусскаго милитаризма и наисильнѣйшихъ бунтовщическихъ проявленій прусской буржуазіи. Для маленькой и бѣдной Пруссіи съ 14 милліоннымъ населеніемъ (1840; 1860—18 милл.) было очень тяжело содержать такую же армію, какъ Австрія и Франція, гдѣ населеніе было вдвое больше (Франція 1840—34, 1860—37 милліоновъ). Фридрихъ II-й довелъ бы свое государство до разоре-

нія военными налогами, погубилъ бы его окончательно, если бы главная тяжесть военныхъ расходовъ не пала на Силезію, Саксонію и Богемію, которыя и высасывались до послѣдней крайности. Послѣ Фридриха прусскій милитаризмъ пользовался англійской субсидіей, которой онъ лишился послѣ низверженія Наполеона. Въ продолженіе долгаго мирнаго времени, когда армія могла грабить только собственную страну, она ложилась на нее большой тяжестью, но все же средствъ не хватало для развитія арміи, тѣмъ болѣе, что королевская власть, отрекавшаяся отъ всякаго парламентаризма, потеряла кредитъ и не могла заключить заемъ. Такимъ образомъ сила военной организаціи убывала, а настроеніе офицеровъ ухудшилось отъ продолжительной бездѣятельности. Однако не только на ихъ настроеніе повліялъ подавляющимъ образомъ продолжительный миръ. Буржуазія—существо полное противорѣчій: она увлекается миромъ, порицаетъ войну и въ то же время постоянно чувствуетъ живую потребность расширенія сферы своей дѣятельности. Каждая капиталистическая нація постоянно стремится-подобно капиталистическому предпріятію, расширить область, своей эксплуатаціи. Такова суть самого капитализма, которой мы здѣсь не можемъ касаться болѣе подробно.

Въ этомъ заключается также и сила колоніальныхъ домогательствъ настоящаго времени. Нѣтъ ничего смѣшнѣе попытокъ объяснить эти домогательства ростомъ *народонаселенія*, естественной *необходимостью*, желаніемъ помочь *рабочему народу*. Дѣло не только въ томъ, что всѣ области колоніальныхъ завоеваній новѣйшаго времени лежатъ въ тропическихъ странахъ, гдѣ европейскимъ рабочимъ и работать невозможно. Мы находимъ это стремленіе къ расширенію и у такихъ націй, у которыхъ, какъ во Франціи, совершенно нѣтъ никакого прироста населенія, и даже у такихъ, у которыхъ, какъ въ Россіи, сама страна страдаетъ отъ слишкомъ рѣдкой населенности. Причиной капиталистической экспансивной политики служитъ постоянная потребность въ расширеніи *области эксплуатаціи*, а не ростъ *народонаселенія*. Въ Австріи эта потребность вызываетъ не колоніальную политику, а національную борьбу, какъ слѣдствіе національныхъ различій.

Нѣмецкая буржуазія Австріи почти до середины XIX-го столѣтія не чувствовала потребности въ расширеніи территоріи своего государства, такъ какъ славяне и мадьяры представляли внутри государства достаточно способную къ расширенію область для капиталист. эксплуатаціи. Но въ концѣ концовъ эти націи возстали противъ нѣмецкой эксплуатаціи, создали изъ своей національ-

ности собственные классы капиталистовъ, заставили нѣмецкихъ эксплуататоровъ занять оборонительное положеніе.

Вездѣ, гдѣ имѣется единый по національному составу классъ капиталистовъ, онъ требуетъ отъ своего правительства постояннаго расширенія территоріи, и онъ обыкновенно доволенъ государственной властью, если она только поступаетъ соотвѣтственно его стремленіямъ. И наоборотъ, классъ этотъ моментально переходитъ въ оппозицію и стремится къ завоеванію государственной власти, какъ только эта послѣдняя перестаетъ заботиться о расширеніи предѣловъ государства. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что низверженіе абсолютизма и основаніе политическаго господства буржуазіи во всѣхъ государствахъ какъ разъ совпадало съ эпохой несчастливой или бездѣятельной внѣшней политики этихъ странъ. Англійская буржуазія добровольно переносила иго абсолютизма воинственной Елизаветы. Но она стала бунтовской и даже республиканской при Стюартахъ, поддерживавшихъ мирныя отношенія съ Франціей, Испаніей и Голландіей, обнаруживъ свою истинную природу подъ воинственнымъ режимомъ Кромвеля.

Также и во Франціи буржуазная оппозиція выросла тогда, когда послѣ правленія Людовика XIV-го, расширившаго территорію государства кровавыми войнами, послѣдовали два Людовика, подъ управленіемъ которыхъ Франція потеряла въ несчастныхъ войнахъ почти всѣ свои колоніи. А въ Россіи мы лишь недавно видѣли, что пока правительство безпрерывно расширяло границы своего государства, о буржуазной оппозиціи и не слыхать было. До японской войны оппозиція противъ абсолютизма носила почти исключительно пролетарскій, соціалистическій характеръ. И лишь послѣ того, какъ военная сила Россіи была сломлена въ этой войнѣ и этимъ на долгіе годы положенъ конецъ всякой экспансивной политикѣ, буржуазіи стало ясно, что ей необходимо подчинить своему контролю правительство. Съ этой поры только русскій либерализмъ вдругъ сталъ силой.

Территорія прусскаго государства тоже постоянно увеличивалась до вѣнскаго мира 1815 года и прусская буржуазія нашла досугъ и возможность критиковать абсолютизмъ и чувствовать его гнетъ. Она стала оппозиціонной и либеральной.

Когда же въ Парижѣ разразилась февральская буря, а въ мартѣ возстали мелкіе буржуа и пролетаріи, заставивъ короля преклонить колѣни, прусскій либерализмъ очень мало ликовалъ. Наоборотъ, его обуялъ сильный страхъ при видѣ того, какую силу обнаружила „чернь“, и первой наисильнѣйшей его заботой было удержать чернь отъ дальнѣйшихъ „выходокъ“ и защитить

королевскую власть. Это ему слишкомъ даже хорошо удалось. Съ 13-го марта 1848-го года въ Берлинѣ господствовало полнѣйшее спокойствіе. Хотя въ другихъ мѣстахъ еще продолжалась отчаянная борьба, но Берлинъ оставался спокойнымъ. Въ Вѣнѣ въ маѣ возникли безпорядки, заставившіе императорскую семью бѣжать въ Инсбрукъ; въ октябрѣ дѣло дошло до возстанія, которое удалось подавить лишь послѣ долгой кровавой борьбы, стоившей многихъ тысячъ человѣческихъ жизней. Берлинскіе же граждане, напротивъ, черезъ нѣсколько дней послѣ этого съ энтузіазмомъ встрѣчали Врангеля, осадившаго городъ со своимъ войскомъ и ожидавшаго встрѣтить ожесточенное сопротивленіе. Въ слѣдующемъ году боролись повстанцы въ Дрезденѣ и Баденѣ; прусскія войска были посланы туда для усмиренія. Но и на этотъ разъ берлинскій либерализмъ не попробовалъ даже помѣшать отправкѣ войскъ.

Буржуазная демократія всюду вела себя въ 1848 году измѣнически, но нигдѣ до такой степени, какъ въ Пруссіи.

Съ началомъ 60-хъ годовъ кончается реакціонный періодъ, наступившій послѣ подавленія революціи Всюду въ Европѣ народы проснулись и либерализмъ и даже республиканизмъ всюду окрѣпъ. Это коснулось и Пруссіи. Тамъ въ то время положеніе вещей было особенно благопріятно для либерализма, такъ какъ мобилизація 1859 года показала полнѣйшую несостоятельность прусской арміи, а монархія съ 1849 года уклонялась отъ удовлетворенія потребностей въ расширеніи прусскихъ владѣній. И буржуазія больше, чѣмъ когда-либо, считала тогда необходимымъ подчинить государственную власть народному контролю. Но, чтобы достигнуть этого, либерализму необходимо было развязать всѣ народныя силы, необходимо было поднять знамя всеобщаго избирательнаго права, необходимо было сконцентрировать всю свою силу на борьбу противъ королевскаго абсолютизма. Но и на этотъ разъ либерализмъ струсилъ передъ пролетаріатомъ, онъ отказался вступиться за всеобщее избирательное право, сохранивъ трехъ-классную избирательную систему, введенную реакціей. Одновременно съ борьбой за ограниченіе абсолютизма и милитаризма началъ онъ борьбу за насильственное удаленіе Австріи изъ Германіи и за объединеніе всѣхъ германскихъ земель подъ прусскимъ владычествомъ, каоуквю задачу либерализмъ предполагалъ рѣшить, не какъ въ 1848 г. возстаніемъ народовъ, а королевско-прусской арміей. Но сдѣлать это безъ усиленія королевской власти и арміи было невозможно, и каждый шагъ въ этомъ направленіи долженъ былъ вырывать почву изъ-подъ ногъ буржуазной оппозиціи.

Такимъ образомъ прусскій либерализмъ изъ-за своей трусости передъ народной массой самъ себя погубилъ. Самое благопріятное для него положеніе закончилось полнѣйшимъ его паденіемъ.

Съ тѣхъ поръ рѣчи не можетъ быть больше о буржуазной демократіи, какъ о серьезной политической силѣ въ Пруссіи.

Чѣмъ это объяснить? Было бы несомнѣнно глупо оперировать здѣсь расовой психологіей и объяснять безподобную трусость прусскаго либерализма особенностью народнаго характера —характеромъ той націи, каторая на военномъ поприщѣ за послѣднія два столѣтія имѣла гораздо больше побѣдъ, чѣмъ какая-либо другая. Эта трусость можетъ быть объяснена только особенностями общественныхъ условій.

Весь восточно-европейскій либерализмъ уже потому трусливѣе западно-европейскаго, что его борьба съ абсолютизмомъ за власть началась въ такое время, когда въ Англіи и Франціи пролетаріатъ уже достигнулъ самостоятельности и представлялъ серьезную опасность для буржуазіи. Но пролетаріатъ и близкіе къ нему слои мелкой буржуазіи были всегда тѣми борцами, которые, рискуя своей собственной жизнью, добивались побѣды для либерализма всякій разъ, когда приходилось силой разрѣшать очередные вопросы. Англійская и французская буржуазія сумѣла воспользоваться революціоннымъ размахомъ пролетаріата для своихъ интересовъ, а къ тому времени, когда пролетаріатъ началъ ей мѣшать, она овладѣла уже государственной властью и не нуждалась ни въ какой революціи.

Безъ помощи пролетаріата еще никакая буржуазія не завоевала для себя политической власти. Но она отказывается отъ его помощи, какъ только онъ выступаетъ противъ нея, какъ самостоятельная сила. Боязливо оглядывается она постоянно на пролетаріатъ, который старается гнать ее впередъ. Какъ же ей въ такомъ положеніи оказаться храброй противъ абсолютизма и феодализма?

Но къ этому общему моменту трусости каждаго восточно-европейскаго либерализма присоединяются еще особые моменты для либерализма прусскаго.

До 60-хъ годовъ государство не было еще единымъ зданіемъ, также не былъ объединенъ и его либерализмъ. Въ Рейнскихъ провинціяхъ представителемъ либерализма былъ сильный промышленный капитализмъ, недавно еще самъ чувствовавшій себя хорошо подъ французскимъ владычествомъ, отстаивавшій покровительственныя пошлины и враждебно относившійся къ рабочему движенію. Въ восточной Пруссіи либерализмъ былъ

представленъ торговымъ и аграрнымъ капиталомъ, выросшимъ на хлѣбной торговлѣ съ Англіей, не затронутымъ промышленнымъ рабочимъ движеніемъ, которое тогда еще не коснулось деревни. Находясь подъ вліяніемъ англійскихъ идей, этотъ либерализмъ стоялъ за свободу торговли и дружелюбно относился къ рабочимъ.

Обѣ части, восточная Пруссія и Рейнская провинція, были въ оппозиціи къ центральному правительству, которое не считалось съ ихъ интересами. Къ нему относился враждебно также и либерализмъ столицы, который опирался главнымъ образомъ на мелкую буржуазію и интеллигенцію, находившуюся подъ сильнымъ вліяніемъ бюрократіи; этотъ либерализмъ былъ такъ же неустойчивъ, какъ и тѣ классы, изъ которыхъ выходили его сторонники, не имѣющіе никакихъ сильныхъ экономическихъ интересовъ, но зато полные идеологическихъ причудъ и иллюзій. И какъ разъ въ этихъ слояхъ идея монархизма была очень сильна. Въ упомянутой уже серіи моихъ статей я показалъ, что интересы Гогенцоллерновъ и интересы нѣмецкаго объединенія, какъ его понимала буржуазія, во многихъ отношеніяхъ совпадали. Мы видѣли также, что Гогенцоллерны, со времени основанія королевства, въ значительной степени удовлетворяли потребностямъ буржуазіи въ расширеніи государственной территоріи—благодаря этому буржуазія центральныхъ провинцій Пруссіи и ея столицы привыкла ждать исполненія всѣхъ своихъ историческихъ задачъ отъ династіи, на нее полагаться и уповать. Угодничество прусской буржуазіи не вытекаетъ, какъ въ другихъ странахъ, изъ одной условной вѣжливости и разсчета. Такіе элементы не въ состояніи вырвать изъ рукъ столь сильнаго и неразборчиваго въ средствахъ класса, какъ прусское юнкерство, такое мощное орудіе, какъ армію, чтобы подчинить ее своимъ интересамъ.

Между тѣмъ развитіе страны послѣ 60-хъ годовъ не внесло сюда никакого улучшенія. Напротивъ: три счастливыя войны, сдѣлавшія изъ Пруссіи господствующую надъ Европой державу, необыкновенно укрѣпили вѣру прусской буржуазіи въ Гогенцоллерновъ, и подняли моральную и матеріальную силу арміи.

Благодаря своему объединенію, Германская имперія гораздо быстрѣе двигается впередъ по пути экономическаго развитія, чѣмъ какое-либо другое государство Европы, и она поэтому легче гораздо, чѣмъ какое-либо другое большое европейское государство, переноситъ тяжесть военнаго бремени, которое чуть не придавило ее въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Правда, и нѣмецкій народъ тяжко стонетъ подъ этимъ бременемъ, но онъ все-таки

не такъ придавленъ, какъ народы Италіи, Австріи или Россіи.

Въ это же время враждебные рабочимъ промышленные феодалы Рейнскихъ провинцій успѣли стать могучими магнатами, умѣющими вліять на центральную власть совершенно другими средствами, чѣмъ тѣ, которыя представляетъ имъ парламентаризмъ. Аграріи восточной Пруссіи стоятъ теперь за покровительственную пошлину, а недостатокъ въ рабочихъ рукахъ въ деревнѣ дѣлаетъ ихъ злѣйшими врагами рабочаго движенія, всякой народной свободы. А въ столицѣ либералы постоянно оттѣсняются на задній планъ соціалдемократіей, въ которой они чѣмъ дальше, тѣмъ больше видятъ главнаго врага.

При такомъ положеніи вещей ясно, что либерализмъ, уже раньше относившійся съ недовѣріемъ къ народу, довѣрявшійся главнымъ образомъ своему королю, въ настоящее время, больше, чѣмъ когда-либо, далекъ отъ всякаго дѣйствительнаго демократическаго чувства и съ радостью пользуется случаемъ, представляемымъ ему Бюловымъ, броситься въ консервативно либеральный союзъ и санкціонировать такимъ образомъ для внѣшняго міра правильность выраженія о „реакціонной массѣ", правильность, которую въ своемъ внутреннемъ обиходѣ прусскій либерализмъ давно уже признавалъ. А со времени господства Пруссіи надъ Германіей внѣпрусскій либерализмъ послѣдовалъ по тому же пути.

Несмотря на это, нѣмецкая соціалдемократія никогда не увлекалась выводами изъ выраженія о „реакціонной массѣ" до такой степени, чтобы не видѣть разницы между отдѣльными классами собственниковъ, между различными буржуазными партіями и не постараться извлечь отсюда практическую пользу для пролетаріата. Но при этомъ очень часто случалось, что она имѣла либерализмъ противъ себя, а на своей сторонѣ противниковъ либерализма. Такъ, напримѣръ, прусскій либерализмъ, какъ мы видѣли, не желалъ принять участія въ борьбѣ за всеобщее, равное избирательное право тогда, когда можно было надѣяться на успѣхъ. А Бисмаркъ далъ это избирательное право противъ желанія либераловъ.

Центръ уже не разъ помогалъ соціалдемократіи противъ либераловъ въ защитѣ старыхъ или въ пріобрѣтеніи новыхъ правъ для народа. Такъ, напримѣръ, еще недавно въ Баваріи либерализмъ упорно отказывался отъ реформы избирательной системы и заставилъ такимъ образомъ соціалдемократію въ союзѣ съ центромъ провести эту реформу.

Но это явленіе не ограничивается одной Германіей.

И въ Австріи нужно причислить къ факторамъ, помогав-

шимъ пролетаріату при его натискѣ проведенія избирательной реформы партію христіанскихъ соціалистовъ, тогда какъ изъ либеральнаго лагеря вышли самые упорные и ядовитые враги реформы.

Само собою разумѣется, что мы не переоцѣниваемъ эти припадки демократизма у ультрамонтановъ.

Намъ очень хорошо знакома ихъ безпринципность, которая заставляетъ ихъ только тамъ вступать въ защиту демократическаго избирательнаго права, гдѣ они видятъ непосредственную практическую выгоду для себя. Эти же самые христіанскіе соціалисты, которые отстаиваютъ всеобщее равное избирательное право для всего австрійскаго государства, въ которомъ преобладаютъ аграрные элементы, отказываются отъ этой реформы не только для Вѣнской городской думы, но и для нижнеавстрійскаго ландтага, такъ какъ здѣсь они находятъ промышленный пролетаріатъ слишкомъ сильнымъ.

Мы очень хорошо знаемъ, чего можемъ ждать отъ центра, но это ничего не измѣняетъ въ томъ фактѣ, что въ вопросахъ демократіи либерализмъ у насъ еще гораздо менѣе надеженъ и болѣе враждебенъ рабочему движенію, чѣмъ ультрамонтане, и что защита народныхъ правъ чаще заставляетъ насъ итти рука объ руку съ центромъ, чѣмъ съ либерализмомъ.

Не предпочтеніе центру, а измѣна либерализма принуждаетъ насъ къ этому.

Если бы нѣмецкая соціалдемократія хотѣла обязаться никогда и ни при какихъ условіяхъ не бороться бокъ о бокъ съ центромъ, она лишилась бы послѣдней и безъ того незначительной возможности извлекать изъ политическихъ раздоровъ господствующихъ классовъ пользу для пролетаріата. Она обрекла бы свои 3 милліона голосовъ на еще большее парламентское безплодіе, чѣмъ то, которое и безъ того обусловливается исторически даннымъ положеніемъ вещей.

Это парламентское безплодіе однако отнюдь не означаетъ безсилія. Внѣ рейхстаго сила нѣмецкаго пролетаріата быстро и постоянно растетъ. Ни въ какой другой странѣ не развиваются, напримѣръ, такъ интенсивно профессіональные союзы, не растетъ такъ быстро соціалдемократическая пресса, какъ въ Германіи. Но даже въ рейхстагѣ соціалдемократія пользуется гораздо большимъ значеніемъ, чѣмъ соціалдемократическая фракція какой-либо другой страны. Недавно она была якобы „растоптана", фракція ея на половину уменьшилась и все же теперь больше, чѣмъ когда-либо вся политика и работа рейхстага вер-

тится вокругъ соціалдемократіи. Съ ней происходитъ то же, что съ теоріей Маркса. Чѣмъ больше ее убиваютъ, тѣмъ страшнѣе она оказывается и тѣмъ болѣе напрягаются всѣ силы, чтобы ее опровергнуть и побѣдить.

Но парламентское безплодіе, на которое реакціонная масса все болѣе и болѣе обрекаетъ соціалдемократію, оказывается далеко не въ пользу народа и общества.

Парламентское безплодіе соціалдемократіи означаетъ также безплодіе всей законодательной дѣятельности и государственнаго управленія. Ибо, какъ пролетаріатъ въ настоящее время единственный революціонный классъ, единственный классъ, у котораго имѣются великія задачи, выходящія за предѣлы настоящаго общества, такъ соотвѣтственно этому и соціалдемократія единственная партія, которая сильно заинтересована въ прогрессивномъ развитіи общества. Всѣ остальные классы и партіи ничего другого не хотятъ, какъ сохранить существующее, укрѣпить его и наилучше приспособить его своимъ частнымъ интересамъ. Поскольку еще принимаютъ прогрессивныя мѣры къ улучшенію положенія рабочаго класса и для развитія всего общества, поскольку государственная дѣятельность не ограничивается только поощреніемъ милитаризма, измышленіемъ новыхъ налоговъ и внѣшней завоевательной политикой — это происходитъ только благодаря неустанному подстреканію сознательнаго пролетаріата. Чѣмъ меньше такого подстреканія, тѣмъ большій застой царитъ во всѣхъ областяхъ жизни страны.

Поэтому ростъ парламентскаго безплодія соціалдемократіи долженъ необходимо вести къ росту общаго недовольства, къ болѣе рѣзкому обнаруженію недостатковъ государственнаго управленія и наконецъ къ возмущенію противъ этого управленія всей массы населенія, которая съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ должна будетъ собираться вокругъ соціалдемократіи, чѣмъ меньше уступокъ послѣдняя дѣлаетъ господствующей системѣ, чѣмъ рѣшительнѣе она противъ нея выступаетъ.

Только такимъ путемъ соціалдемократіи удастся, наконецъ, побѣдить эту систему, ввести демократическій режимъ и создать для себя самой почву для плодородной парламентской дѣятельности. Полагаться при этомъ на либерализмъ она не можетъ, и съ центромъ она все рѣже сумѣетъ вмѣстѣ работать. Она не старается изолировать себя, но при данныхъ условіяхъ въ Германіи ей необходимо готовиться къ тому, чтобы одной бороться противъ всѣхъ буржуазныхъ партій, чтобы самостоятельно, противъ нихъ, добиться побѣды.

Это очень трудная задача при данныхъ условіяхъ, но не такого рода, чтобы намъ приходилось отчаиваться. Пока мы будемъ стараться удержать за собою одного очень могучаго союзника, который стоитъ больше помощи всякой буржуазной партіи, намъ отчаиваться не придется. Союзникъ этотъ—*логика фактовъ*.

Она сильнѣе всякой индивидуальной воли, ей въ концѣ концовъ долженъ подчиниться каждый классъ, о нее разбивается всякое насиліе. За кого логика фактовъ, т. е. кто работаетъ въ томъ направленіи, какое дано обществу, по естественной необходимости, силою экономическихъ условій, тотъ въ концѣ концовъ окажется правымъ, онъ будетъ тѣмъ, кто смѣется послѣднимъ, какъ бы велики ни были препятствія, которыя нагромоздятъ противъ него невѣжество и эгоизмъ.

А въ этомъ именно и состоитъ практическое значеніе теоріи, что она даетъ намъ возможность познавать направленіе, по которому движется логика фактовъ. Теорія не простое украшеніе, которое должно показать, что и мы, молъ, образованные люди, кое-что въ наукѣ понимающіе; она необходима для практической борьбы, вдвойнѣ необходима въ такой странѣ, какъ Германія, гдѣ намъ предстоитъ превозмочь столь сильныхъ и могучихъ враговъ, гдѣ мы меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можемъ позволить себѣ роскошь стать разумными лишь послѣ горькихъ опытовъ, гдѣ намъ больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, необходимо избѣгать ошибокъ и всякой безплодной растраты силъ. Въ этомъ именно поможетъ намъ всего скорѣе научное познаніе общества. Нигдѣ пролетаріатъ такъ не изолированъ, какъ въ Германіи, нигдѣ онъ не имѣетъ болѣе сплоченныхъ и могучихъ враговъ. Тѣмъ болѣе требуется здѣсь солидарность въ собственныхъ рядахъ на почвѣ теоретической ясности.

Положеніе серьезное, но отнюдь не вызывающее отчаянія.

Экономическое развитіе дѣйствуетъ въ нашу пользу и обусловливаетъ постоянный ростъ пролетаріата.

Но это экономическое развитіе приноситъ конфликты и кризисы различнаго рода, въ которыхъ только прочная государственная организація можетъ устоять; а для этого правительство должно пользоваться всеобщимъ довѣріемъ. Но чѣмъ больше буржуазныя партіи сплачиваются для борьбы съ соціалдемократіей, тѣмъ больше парализуютъ онѣ друга друга, тѣмъ больше онѣ лишаютъ себя возможности хоть немного заняться реформаторской дѣятельностью.

Уже и сейчасъ, непосредственно послѣ своей побѣды, побѣдители не въ состояніи предаться радости по поводу своего

тріумфа и съ тоской спрашиваютъ себя, что изъ этого выйдетъ. На сколько это большинство способно вообще къ положительной работѣ, оно можетъ творить только одно—несчастіе.

Нынѣшній рейхстагъ родился въ дни чуднаго майскаго расцвѣта для всѣхъ высшихъ классовъ: высокія цѣны на мясо набивали карманы крупныхъ и мелкихъ сельскихъ хозяевъ; промышленный подъемъ радовалъ сердца крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ. А въ то же время облегченно вздохнули всѣ сильные міра сего, полагая, что русская революція испускаетъ послѣдній вздохъ.

Но эта свѣтлая эра быстро приближается къ концу. Цѣны на желѣзо уже понижаются, а въ строительномъ дѣлѣ наступилъ застой—симптомъ того, что подъемъ промышленности достигъ своего апогея и едва ли продержится еще одинъ годъ. И торжество аграріевъ тоже скоро кончится, ибо каждое повышеніе цѣнъ на сырые продукты ведетъ къ повышенію цѣнъ на землю, къ задолженности имѣній (вслѣдствіе перехода по наслѣдству, покупокъ и т. п.) и все это ложится бременемъ на сельское хозяйство. Сельскій хозяинъ чувствуетъ себя хорошо не при абсолютно высокихъ цѣнахъ, а при *возрастаніи* цѣнъ. Но и цѣны не могутъ до безконечности возрастать, тѣ цѣны, при которыхъ масса мелкихъ земельныхъ собственниковъ только и можетъ извлекать пользу, вѣроятно, даже упадутъ, но тогда снова поднимется крикъ о сельско-хозяйственной нуждѣ и начнется дѣйствительная нужда мелкихъ сельскихъ хозяевъ.

А выборы въ Государственную Думу показали, какъ плохо освѣдомлены были тѣ, которые понадѣялись на то, что русскій народъ напуганъ и усталъ отъ революціи. Съ ненадломленной силой выступаетъ онъ и вновь зоветъ абсолютизмъ на борьбу.

Важныя задачи предстоятъ рейхстагу; онъ тѣмъ менѣе будетъ въ состояніи ихъ рѣшить, тѣмъ болѣе онъ будетъ осужденъ на безплодную дѣятельность и тѣмъ сильнѣе вызоветъ противъ себя и правительства всеобщее возмущеніе, чѣмъ больше онъ будетъ стараться удовлетворить требованія Бюлова понастроить больше плотинъ и запрудъ противъ „мутныхъ водъ соціалдемократіи".

Воды соціалдемократіи—это ничто иное, какъ мощный потокъ общественнаго развитія.

Правда, онъ иногда бываетъ мутенъ, потому что онъ принужденъ пролагать себѣ путь сквозь буржуазный илъ и грязь. Но задержать его невозможно. Пусть князь Бюловъ понастроитъ противъ него запруды, пусть либералы сочтутъ себя счастливыми, что имъ дозволено будетъ оказать при этомъ пособни-

ческія услуги—чѣмъ выше запруды, тѣмъ выше подымается потокъ, тѣмъ мощнѣе волна, которая прорветъ въ концѣ концовъ запруды и унесетъ съ собой строителя, его архитекторовъ и пособниковъ.

Карлъ Каутскій.

А что если разгонять?

Въ иностранной печати ходятъ очень недвусмысленные слухи о томъ, что „сферы" собираются распустить Думу. Въ то же время судьба, очевидно, не благопріятствуетъ Думѣ: то пожаръ въ ея стѣнахъ начнется, то потолокъ обвалится. Это плохіе знаки. Поэтому естественно возникаетъ вопросъ: а что если разгонять? И этимъ вопросомъ пора заняться, чтобы событія опять не застали врасплохъ тѣхъ, которые гордо называютъ свою дѣятельность сознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго историческаго процесса. Сознательность обязываетъ...

Мнѣ скажутъ, пожалуй, что этимъ вопросомъ уже занимались во время предвыборной агитаціи какъ на собраніяхъ, такъ и въ печати. На это я отвѣчу, что хотя имъ, въ самомъ дѣлѣ, занимались въ то время, но отвѣчали на него неудовлетворительно. На собраніяхъ и въ печати говорили тогда приблизительно то же, что писалъ и,—вѣроятно,—говорилъ С. Н. Юринъ: „вторую Думу не распустятъ такъ, какъ распустили первую, если она будетъ опираться на организованный народъ", („На очереди", фельетонъ № 2-го). Я спрашиваю, почему же не распустятъ въ этомъ случаѣ? И я не нахожу отвѣта въ фельетонѣ С. Н. Юрина. Словамъ, приведеннымъ мною и напечатаннымъ въ подлинникѣ курсивомъ, предшествуетъ у С. Н. Юрина такое соображеніе:

„Пусть каждый депутатъ народа въ Думѣ чувствуетъ, что за нимъ стоитъ внѣ Думы организованная народная сила, пусть, выходя на думскую трибуну, онъ будетъ излагать не свои догадки и пожеланія, а несомнѣнную волю народа, выраженную въ тысячахъ наказовъ, приговоровъ, резолюцій народныхъ собраній, крестьянскихъ сходовъ. И тогда неисполненіе требованій Думы будетъ отказомъ народу".

Это соображеніе было бы убѣдительнымъ только въ томъ случаѣ, если бы мы думали, что наше правительство не захочетъ „отказать народу". Но имѣемъ-ли мы какое-нибудь основаніе думать это? Ясно, что ровно никакого основанія для

этого у насъ нѣтъ и быть не можетъ. Напротивъ, у насъ есть полное основаніе думать, что наше правительство ни мало не постѣснится „отказать народу“ всякій разъ, когда оно будетъ въ состояніи сдѣлать это безъ слишкомъ невыгодныхъ для себя послѣдствій.

Стало быть, въ этомъ все дѣло: *второй Думы не разгонятъ такъ, какъ разогнали первую, если правительство будетъ видѣть, что разгонъ новой Думы повлечетъ за собой невыгодныя для него послѣдствія.*

По всей вѣроятности, Юринъ хотѣлъ сказать именно это. И тогда онъ, конечно, правъ. Но для того, чтобы эта его мысль могла быть признана удовлетворительнымъ отвѣтомъ на вопросъ: а что, если разгонятъ? необходимо сказать ее съ цѣлымъ рядомъ другихъ мыслей.

Мы говоримъ: правительство не разгонитъ Думы, если оно увидитъ, что ему невыгодно сдѣлать это. Но тутъ возникаетъ два новыхъ вопроса: во-первыхъ, что значитъ—*невыгодно*? Во вторыхъ, а если оно *не увидитъ*, не пойметъ невыгоды того положенія, въ которое его поставитъ новый разгонъ Думы?

Легко замѣтить, что эти два вопроса неразрывно связаны между собою. Въ самомъ дѣлѣ, если правительство не пойметъ невыгоды того положенія, въ которое его поставитъ новый разгонъ Думы, то оно не постѣснится „отказать народу“, т. е. разогнать его представителей. И эта его ошибка должна будетъ повлечь за собою невыгодныя для него послѣдствія. Каковы же они *будутъ*? Каковы они *могутъ быть*?

Это долженъ обдумать всякій тотъ, кого интересуетъ судьба нашего освободительнаго движенія.

Вооруженное возстаніе народа? Тотчасъ послѣ разгона первой Думы одинъ политическій младенецъ,—въ брошюрѣ „Роспускъ Думы и задача пролетаріата“,—совѣтовалъ назначить вооруженное возстаніе въ началѣ іюля или въ концѣ августа. Очень можетъ быть, что онъ опять обнаружитъ такую же рѣшительность и опять назначитъ опредѣленный срокъ для вооруженнаго возстанія. Этому младенцу самый вопросъ о томъ, что дѣлать въ случаѣ новаго разгона Думы покажется, пожалуй, неумѣстнымъ. Но между людьми, вышедшими изъ дѣтскаго возраста, немного найдется такихъ, которые считали бы возможнымъ въ „*текущій моментъ*“ побѣдоносное возстаніе народа. Всякая попытка возстанія окончилась бы неудачей, а всякая такая неудача непремѣнно измѣнила бы къ

лучшему то невыгодное положеніе, въ которое поставитъ себя правительство новымъ разгономъ Думы.

Мысль о возстаніи въ „*текущій моментъ*“ должна быть рѣшительно отвергнута.

Всеобщая стачка? Я не знаю, пошелъ ли бы пролетаріатъ на всеобщую стачку въ интересующемъ насъ случаѣ. Но если бы и пошелъ, то необходимо помнить, что всеобщая стачка тоже можетъ окончиться неудачей. Этимъ я хочу сказать, что если и начнется всеобщая стачка, то это еще не значитъ, что она непремѣнно приведетъ къ капитуляціи правительства: можетъ быть,—приведетъ, а можетъ, и нѣтъ.

Что же будетъ, если всеобщая стачка кончится неудачей или если, въ моментъ разгона новой Думы, пролетаріатъ скажетъ себѣ и другимъ: удачная всеобщая стачка теперь невозможна; а неудачная была бы выгодна только правительству; поэтому, нечего и начинать всеобщую стачку?

Очень вѣроятно, что, разогнавъ Думу, правительство измѣнитъ избирательный законъ и такимъ образомъ обезпечитъ себѣ, наконецъ, побѣду на новыхъ выборахъ.

Чѣмъ отвѣтимъ мы на его coup d'etat? Террористы скажутъ: терроромъ. Но мы не террористы.

Еще разъ: что же дѣлать? Если *ничего*, то гдѣ же будутъ тѣ,—вредныя для правительства послѣдствія, которыя повлекутъ за собою новый разгонъ Думы? Неужели правительству достаточно рѣшиться на coup d'etat, чтобы остановить потокъ освободительнаго движенія?

О, нѣтъ, ce serait trop beau (это было бы слишкомъ хорошо), какъ говорятъ французы.

Потоку освободительнаго движенія можно ставить весьма различныя преграды, но остановить его нельзя по той простой причинѣ, что его существованіе обусловливается наличностью многихъ самыхъ насущныхъ общественныхъ нуждъ. Пока эти нужды существуютъ, не прекратится и потокъ освободительнаго движенія, а эти нужды перестанутъ существовать только тогда, когда исчезнетъ то, что пытаются отстоять реакціонеры, замышляющіе coup d'etat.

Стало быть, намъ нечего отчаиваться даже въ томъ случаѣ, если мы не въ состояніи будемъ отвѣтить на coup d'etat какимъ-нибудь удачнымъ „активнымъ выступленіемъ“. Жизнь возьметъ свое.

Какимъ образомъ? Къ этому сводится для насъ теперь весь вопросъ. Уяснивъ себѣ тотъ процессъ, который приведетъ къ удовлетворенію настоятельныхъ требованій жизни, мы тѣмъ

самымъ уяснимъ себѣ, что намъ останется дѣлать, если въ моментъ разгона Думы народъ окажется недостаточно сильнымъ для того, чтобы воспротивиться coup d'etat.

Какимъ же образомъ добьется жизнь удовлетворенія своихъ насущныхъ требованій?

Очевидно, что она можетъ добиться этого лишь посредствомъ увеличенія *силы народа*.

А въ чемъ состоятъ силы народа? Въ его *сознательности и организованности*.

Значитъ, тутъ и надо искать отвѣта на всѣ вообще происки реакціонеровъ и въ частности на coup d'etat.

Если въ моментъ coup d'etat окажутся невозможными серьезныя „активныя выступленія", то у насъ все-таки останется то, что важнѣе всего: возможность способствовать скорѣйшему наступленію того времени, когда разогнанными окажутся тѣ, которые теперь разгоняютъ.

И чѣмъ лучше мы воспользуемся этою возможностью, тѣмъ убійственнѣе будетъ нашъ отвѣтъ на coup d'etat.

Само собою разумѣется, что было бы очень хорошо, если бы за Думой стояла организованная сила народа. Но, во-первыхъ, такой силы *еще нѣтъ* на лицо, а во-вторыхъ, *она явится только тогда*, когда народъ сумѣетъ взглянуть на Думу съ правильной точки зрѣнія. Пока у него нѣтъ такого умѣнья, напрасно и ждать отъ него поддержки Думѣ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Исторія пріучила нашу народную массу къ политической *пассивности*. Наша народная масса привыкла ждать помощи сверху: то отъ небеснаго царя, то отъ сферъ, правящихъ на землѣ. И эта привычка отразилась даже на отношеніи массы къ нѣкоторымъ новымъ явленіямъ нашей общественной жизни, казалось бы, прежде всего требующимъ *самостоятельности* отъ тѣхъ, кто имъ сочувствуетъ. Во время знаменитой ростовской (на Дону) стачки 1902 г. въ мѣстный соц.-демокр. комитетъ,—сразу сдѣлавшійся извѣстнымъ, стали поступать *прошенія*, какъ-будто онъ представлялъ какое-то новое «*присутствіе*», отличающееся отъ старыхъ тѣмъ, что въ немъ засѣдаетъ *доброе* начальство. Подобныя же прошенія поступали и въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Наконецъ, характеръ такихъ же прошеній, адресуемыхъ къ новому, доброму начальству, имѣли и очень многія изъ тѣхъ заявленій, съ которыми обращалась къ первой Думѣ народная масса. Народъ привѣтствовалъ Думу, надѣясь, что она *явится для него источникомъ силы* въ борьбѣ съ его вѣковыми невзгодами. Онъ въ числѣ своихъ пока еще чрезвычайно многочисленныхъ безсо-

знательныхъ слоевъ не понималъ того, что *онъ самъ долженъ послужить источникомъ силы для Думы.* Поэтому онъ не шелохнулся, когда Дума была разогнана. Кадеты указывали на это обстоятельство, какъ на лишній поводъ въ пользу ихъ тактики. „Гдѣ былъ вашъ народъ во время разгона первой Думы", восклицали они на недавнихъ предвыборныхъ собраніяхъ, обращаясь къ нашимъ ораторамъ, съ пафосомъ, достойнымъ лучшаго дѣла. На самомъ дѣлѣ, это обстоятельство, разумѣется, ровно ничего не говоритъ въ пользу кадетовъ. Народъ не вступился за Думу потому, что не понималъ, какого рода должно быть его отношеніе къ ней. Отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что ему необходимо выяснить это, а вовсе не тотъ, что въ основу выясненія должна быть положена кадетская боязнь народовластія. Читатели еще не забыли, какъ рѣшительно высказалась „партія народной свободы" противъ полновластнаго народнаго представительства, которымъ только и можетъ быть обезпечена народная свобода. Главная отличительная черта кадетской партіи состоитъ вовсе не въ томъ, что она считаетъ революцію невозможной *въ настоящую минуту,*—въ настоящую минуту революція въ самомъ дѣлѣ невозможна,—а въ томъ, что она вообще стремится избѣжать революціи, почему и отрицаетъ революціонную идею полновластнаго народнаго представительства. Поэтому единственнымъ,—и единственно дѣйствительнымъ,—способомъ борьбы съ „*кадетской*" опасностью является тотъ, который былъ бы въ то же время и самымъ естественнымъ и дѣйствительнымъ способомъ борьбы съ опасностью, грозящей со стороны нашей *черносотенной бюрократіи:* систематическое, непрерывное и неустанное распространеніе въ массѣ идеи полновластнаго народнаго представительства. И тутъ намъ было бы очень легко разоблачить кадетскую софистику.

Вотъ, напримѣръ, въ № 18 „Рѣчи" г. А. Изгоевъ говоритъ: „Надо открыто признать, что судьба Думы въ настоящее время въ рукахъ министерства и отъ его воли зависитъ ея существованіе. Черезъ три-четыре мѣсяца, когда своей законодательной работой Дума пріобрѣла бы авторитетъ въ странѣ, положеніе могло бы стать инымъ. Но будутъ-ли въ ея распоряженіи эти три-четыре мѣсяца? Заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Выходъ не въ улицѣ „организованной", или „неорганизованной", выходъ былъ бы въ томъ случаѣ, если бы у власти стояли люди, проникнутые дѣйствительнымъ патріотизмомъ, обладающіе государственнымъ разумомъ, способные заглянуть на нѣсколько лѣтъ впередъ". Это значитъ,

что положеніе наше перестало бы быть безвыходнымъ только въ томъ случаѣ, если бы „у власти стояли люди", готовые изъ патріотизма передать власть въ руки кадетовъ. Указать *такой* выходъ—значитъ не указать *ровно никакого*. И это чувствуетъ самъ г. Изгоевъ, онъ продолжаетъ: „Не разъ можно закрыть ворота Таврическаго дворца, разставивъ стражу и приклеивъ къ стѣнамъ бѣлое объявленіе. Но что будетъ дальше? На сколько времени хватитъ этихъ методовъ управленія? Англичане и американцы не будутъ держать пари и на пять лѣтъ"... Но почему же не будутъ? Ужъ не потому ли, что черезъ пять лѣтъ у власти окажутся люди, готовые отъ нея отрѣчься ради прекрасныхъ глазъ кадетской партіи? Какъ бы не такъ *). Тутъ произойдетъ нѣчто *другое*, и вотъ въ сторону этого-то *другого* и должны быть направлены усилія тѣхъ, которые хотятъ и *умѣютъ* разоблачать кадетскую половинчатость. А направить свои усилія въ сторону этого *другого*—значитъ прежде всего выяснить народу, во-первыхъ, чѣмъ *является* его нынѣшнее представительство, и во вторыхъ, *чѣмъ оно должно быть*. Выяснить же это можно не „митинговымъ способомъ", не „спогсипательными" резолюціями въ Думѣ или на собраніяхъ, а систематической работой надъ пробужденіемъ народнаго сознанія,—работой, которая чрезвычайно облегчалась бы всѣмъ тѣмъ, что происходитъ или произойдетъ *въ Думѣ или съ Думой*.

Когда принесетъ желанные плоды эта работа? Не знаю.

Но я знаю, что она безусловно необходима для того, чтобы у насъ было *настоящее* народное представительство.

И начать ее надо, какъ можно скорѣе. Время не терпитъ. И когда она будетъ начата въ значительныхъ размѣрахъ, насъ не застанетъ врасплохъ никакой сюрпризъ справа, никакое coup d'etat.

На coup d'état мы, можетъ быть, отвѣтимъ, а можетъ быть, и не отвѣтимъ „активнымъ выступленіемъ". Это частность, зависящая отъ обстоятельствъ, при которыхъ произойдетъ coup d'état. Важно то, что, какое бы ни приняли мы рѣшеніе, мы, принимая его, будемъ сообразоваться съ ходомъ указанной и во всякомъ случаѣ безусловно необходимой работы. Активныя выступленія будутъ желательны лишь въ той мѣрѣ, въ какой они будутъ способствовать ея успѣху, потому что именно въ

*) Нѣсколько дальше самъ г. Изгоевъ говоритъ: „Требовать патріотизма у бюрократіи едва ли остроумно". Что вѣрно, то вѣрно! Но этими словами г. Изгоевъ осуждаетъ основную тактическую идею своей партіи. Странно, что онъ этого совсѣмъ не замѣтилъ.

ней долженъ состоять нашъ главный и безусловно необходимый отвѣтъ на coup d'état.

Невыгодныя для правительства послѣдствія coup d'état будутъ заключаться главнымъ образомъ въ томъ, что новый разгонъ Думы послужитъ яркимъ доказательствомъ справедливости того, что мы будемъ говорить народу о нынѣшнемъ жалкомъ состояніи его представительства. А чѣмъ скорѣе народъ убѣдится въ справедливости этого, тѣмъ ближе будетъ торжество нашей идеи.

Звать народъ въ бой въ такое время, когда онъ не готовъ къ бою, могутъ только глупцы или провокаторы.

Принципіально отвергать всякую мысль, что все „образуется" безъ боя, могутъ только филистеры или тѣ, *которые имѣютъ основаніе бояться народной побѣды.*

Революціонеры должны систематически подготовлять народъ къ побѣдоносному бою.

А чтобы приготовляться къ бою, народъ, повторяю,—долженъ знать: 1) что такое его нынѣшнее представительство; 2) чѣмъ оно должно быть.

„Aussprechen was ist", *высказать народу, что есть,—освѣтить передъ нимъ яркимъ свѣтомъ идею народовластія,—вотъ въ чемъ заключается теперь первая и главная обязанность революціонеровъ.*

Но высказать это надо такъ, чтобы народъ услышалъ и понялъ революціонеровъ. А для этого необходимо избѣгать революціонной фразы и псевдо-революціонной торопливости. Самыя простыя и ясныя тактическія соображенія говорятъ за то, что за высказываніе того, что есть, должны взяться *не члены Думы,**) а тѣ сознательные элементы народа, которые должны будить безсознательныхъ, разъясняя имъ смыслъ того, что совершается въ Думѣ и приглашая прозрѣвшихъ открывать глаза тѣмъ, которые еще не видятъ, но которые могутъ увидѣть и должны увидѣть, если только суждено освободиться россійскому народу.

Для дѣятельности соціалдемократической партіи открывается здѣсь обширнѣйшее поле. Но чтобы съ успѣхомъ воздѣлать его, нужно понять историческое значеніе *массъ* и отказаться отъ заговорщицкихъ иллюзій.

Г. Плехановъ.

*) Для людей, не совсѣмъ лишенныхъ такта, это само собою разумѣется, и я не вижу надобности распространяться объ этомъ послѣ того, что сказано было мною въ концѣ статьи „По поводу новой Думы".

P. S. У насъ мыслятъ схемами и потому любятъ „конкретныя указанія". Даю таковое. У насъ толкуютъ теперь объ изданіи политической газеты для крестьянства. Было бы очень желательно, чтобы эта газета постаралась простымъ языкомъ *высказать* простому читателю *то, что есть*; чтобы она объяснила ему:

1) *Что такое Дума.*
2) *Чѣмъ она должна быть.*
3) *Что препятствуетъ ей стать.*
4) *Какъ устранить то, что мѣшаетъ стать, тѣмъ, чѣмъ она должна быть.*

Такая газета явилась бы могучимъ орудіемъ въ борьбѣ со всякими „опасностями". Но понятно, что это только одно изъ орудій; одновременно съ нимъ должны употребляться и многія другія. Тутъ пригодились бы и митинги, поскольку удавалось бы ихъ устраивать. Правда, имѣя въ виду указанную мною задачу, пришлось бы говорить на митингахъ не такъ, какъ большей частью говорятъ на нихъ теперь; но это частность, на которой я остановлюсь въ другой статьѣ.

Г. П.

Избирательная кампанія въ Финляндіи.

Бодрое настроеніе царитъ сейчасъ *) въ Финляндіи. Кипитъ широкая, захватывающая предвыборная работа, не урѣзываемая «разъясненіями» Сената и «постановленіями» министровъ, губернаторовъ, градоначальниковъ, не стѣсняемая докучливымъ вмѣшательствомъ приставовъ. Придавленный шестилѣтнимъ непривычнымъ хозяйничаніемъ русскаго полицейско-бюрократическаго режима, финляндскій народъ, не успѣвъ еще какъ слѣдуетъ расправить свои окоченѣвшіе отъ бездѣятельности члены, спѣшитъ наверстать потерянное время, рвется къ созидательной работѣ, торопится приспособить свою политическую жизнь къ выросшимъ за эти годы экономическимъ и соціальнымъ потребностямъ. Финляндскій народъ переживаетъ свой «медовый мѣсяцъ» политическаго освобожденія и, зачарованный собственной удачей, не замѣчаетъ тѣхъ сѣрыхъ тучъ, что зловѣще скопляются на границѣ Россіи. Недаромъ назойливо каркаетъ «Новое Время» о новыхъ сепаратистскихъ стремленіяхъ финляндцевъ, недаромъ на голову наиблагонамѣ-

*) Статья написана за мѣсяцъ до выборовъ.

реннѣйшаго генералъ-губернатора сыплются инсинуаціи, обличающія его въ потворствѣ хитросплетеніямъ и коснямъ вѣроломныхъ финновъ. Упоенная своей побѣдой, буржуазная часть финляндскаго общества настойчиво вѣритъ въ незыблемость дарованныхъ ей конституціонныхъ обѣщаній и упрямо закрываетъ глаза на всѣ «анти-конституціонныя» дѣянія русскаго правительства, съ близорукой самоувѣренностью повторяя забытую на время поговорку о всесокрушающемъ дѣйствіи «финляндской лояльности». Финляндская буржуазія не хочетъ признаться, что этотъ талисманъ не спасаетъ ее отъ грубаго вмѣшательства русскаго правительства въ ея внутреннія дѣла, что сама она, измѣняя своему обычному достоинству, во имя хваленой лояльности, гнетъ покорно голову передъ русскимъ бюрократическимъ кулакомъ. Сначала закрываются двери гостепріимной страны передъ избранниками русскаго народа; позднѣе издается постановленіе, грозящее выдачей русскимъ властямъ всѣхъ самоотверженныхъ борцовъ за свободу Россіи, за автономію ея окраинъ, за благо народное. Не видитъ, не хочетъ видѣть финляндская буржуазія, что свобода ея не прочнѣе весенняго цвѣта, что истинный медовый мѣсяцъ ея освобожденія еще не наступилъ.

Среди общаго ликованія, среди поспѣшнаго строительства жизни на новыхъ началахъ, лишь финляндскій пролетаріатъ не теряетъ сознанія реальной дѣйствительности. Онъ не позволяетъ убаюкивать себя иллюзорными надеждами; онъ знаетъ, что всѣ свободы, что конституція родной стороны могутъ быть обезпечены лишь побѣдой народа надъ «старымъ режимомъ» въ самомъ сердцѣ Россіи. Только тогда не придется финляндцамъ нарушать свои основные законы и, уступая насилію, соглашаться на позорящія всю націю «постановленія», когда смѣлымъ взмахомъ всенароднаго возмущенія удастся выбить скипетръ власти изъ окровавленныхъ рукъ самодержавной бюрократіи. Прочное народовластіе въ Россіи—вотъ единственная гарантія утвержденія и сохраненія обѣщанной свободы и независимости Финляндіи.

Изъ всѣхъ лихорадочно-работающихъ партій одна соціалдемократія стоитъ на этой точкѣ зрѣнія; не вѣритъ она въ чудодѣйственную силу «лояльности», съ горечью подсчитывая плоды всей оппортунистической политики старо-финской партіи—политики уступокъ и лакейскаго подслуживанія. Для соціалдемократіи, памятующей, что соблюденіе или нарушеніе конституціи покоится лишь на реальномъ соотношеніи силъ, несомнѣнно, что утвержденіе истинныхъ началъ свободы въ странѣ возможно лишь при

тѣснѣйшемъ сотрудничествѣ и побѣдѣ революціонныхъ силъ Финляндіи и Россіи.

Приближаются выборы въ первый Финляндскій Сеймъ, созываемый на основѣ Устава 20/7 іюля 1906 г. Соціалдемократія готовится къ серьезному, отвѣтственному бою; она спѣшитъ мобилизовать свои силы, чтобы дружнымъ отпоромъ, совмѣстно съ русскимъ пролетаріатомъ, нанести новый ударъ разрушающемуся самодержавію. Вступая въ избирательную кампанію, борясь за утвержденіе прочнаго народовластія въ родной странѣ, финляндскій пролетаріатъ сознаетъ, что его задачи, его стремленія тѣсно сплетаются съ интересами пролетаріата Россіи и что на немъ, какъ на единственномъ истинно-революціонномъ классѣ Финляндіи, лежитъ серьезная отвѣтственность за ту позицію, какую приметъ финляндскій народъ по отношенію къ старому «режиму».

Выборы въ Финляндскій Сеймъ назначены на 15—16 марта новаго стиля. Къ тому времени русскій избиратель не только скажетъ свое слово, но и вторая Дума успѣетъ показать народу свою истинную физіономію. Несомнѣнно, что составъ нашей Думы, ея характеръ и настроеніе—все это въ свое время окажетъ вліяніе на исходъ финляндскихъ выборовъ. Но пока это стороннее вліяніе не учитывается и картина будущаго Сейма вырисовывается въ глазахъ разгоряченныхъ избирательной кампаніей партій лишь на основѣ пробнаго подсчета голосовъ, повсемѣстно организуемаго избирательными союзами.

Если предвыборная борьба въ прежніе годы не захватывала огромной части финляндскаго населенія, то на этотъ разъ въ оживленную политическую дѣятельность втянуты рѣшительно всѣ элементы финляндскаго народа. Даже женщины—эти политическія паріи современнаго буржуазнаго общества—и тѣхъ коснулся живительный духъ демократическихъ началъ новой представительной системы. Финляндскіе граждане имѣютъ основаніе говорить съ сознаніемъ горделиваго самодовольства: «наше представительство— радикальнѣйшее въ Европѣ».

Въ основу народнаго представительства Финляндіи положена однопалатная система. Выборы двухсотъ депутатовъ, отъ 16-ти избирательныхъ округовъ, производятся „каждый третій годъ, одновременно по всей странѣ. Избирательнымъ правомъ, равно какъ и правомъ быть избранными, пользуются, безъ различія пола, всѣ финляндскіе граждане, которымъ исполнилось 24 года. Участія въ выборахъ лишены лишь: военнослужащіе; лица, состоящія подъ опекой, не числящіяся въ мантальныхъ (податныхъ) спискахъ края за послѣдніе три года, не уплатившія за

два года казенныхъ податей (исключеніе дѣлается для лицъ, несостоятельность которыхъ удостовѣрена), получающія пособіе отъ учрежденій общественнаго призрѣнія, приговоренныя за бродяжничество къ общественнымъ работамъ; лица, лишенныя по суду непорочнаго имени, и, наконецъ—срокомъ на шесть лѣтъ, со дня произнесенія приговора—лица, уличенныя въ покушеніи на продажу или покупку голосовъ или въ насиліяхъ, нарушающихъ свободу выборовъ.

При всей ширинѣ и демократичности новаго представительства Финляндіи, нельзя не замѣтить, что духъ реакціи все-таки витаетъ надъ составителями новаго Сеймоваго Устава Границы правъ гражданства опредѣляются экономическимъ положеніемъ лица въ обществѣ; достаточно впасть въ нищету, чтобы однимъ этимъ фактомъ оказаться вычеркнутымъ изъ списка полноправныхъ гражданъ. Въ пунктѣ 5 § 5 сказано, что избирательныхъ правъ лишается тотъ, «кто пользуется лично для себя пособіемъ отъ учрежденій общественнаго призрѣнія бѣдныхъ, если пособіе это не случайно». Гражданинъ, доведенный существующей эксплуататорской системой производства до нищеты, оказавшійся вынужденнымъ прибѣгнуть къ поддержкѣ общества, теряетъ свои гражданскія права, въ то время какъ лица, доведшія его до подобнаго зависимаго состоянія, преблагополучно продолжаютъ пользоваться преимуществами своего положенія, своими политическими правами. Еще отчетливѣе сказывается реакціонный духъ, съ его лицемѣрными традиціями, въ пунктѣ 7 § 5: выборнымъ правомъ не пользуется тотъ, «кто приговоренъ за бродяжничество къ общественнымъ работамъ — до исхода третьяго года послѣ того, въ которомъ онъ освобожденъ былъ изъ работнаго дома". Не переноситъ-ли насъ этотъ пунктъ въ блаженныя времени прошлыхъ столѣтій, когда за бродяжничество клеймили каленымъ желѣзомъ, и не является-ли онъ косвенной гарантіей обильнаго предложенія рабочихъ рукъ, готовыхъ на любыя условія, лишь-бы избѣжать работнаго дома?

Установленіе 24-хъ лѣтняго возраста, какъ минимума для признанія гражданскаго совершеннолѣтія, это—тоже несомнѣнная попытка реакціонныхъ элементовъ удержать въ своихъ рукахъ ускользающую власть. Отталкивающій призракъ доведеннаго до конца народовластія охлаждалъ демократическій пылъ составителей основныхъ законовъ. Законодательство совершается черезъ посредство народныхъ представителей, но безъ привлеченія и санкціи широкихъ народныхъ массъ. Право инициативы не только не предоставлено самому народу, но огра-

ничено даже и для его избранниковъ . По § 29 вноситься на Сеймъ могутъ лишь тѣ предложенія, которыя касаются изданія, измѣненія или отмѣны законовъ, зависящихъ отъ согласнаго рѣшенія Государя и Сейма; предложенія, касающіяся основныхъ законовъ, вносить въ Сеймъ не *разрѣшается*. Право окончательнаго утвержденія, отмѣны или измѣненія законопроекта, одобреннаго Сеймомъ, принадлежитъ монарху (глава 7, § 5). Не только измѣненіе законовъ требуетъ согласнаго рѣшенія монарха и Сейма, но всѣ вообще постановленія, рѣшенія и заключенія Сейма, равно какъ и отвѣтъ Сейма на запросы монарха, послѣ состоявшихся по нимъ опредѣленій народныхъ представителей, поступаютъ „на благовоззрѣніе Государя Императора и Великаго Князя, въ видѣ представленій". Далѣе, за монархомъ признается право по личному своему усмотрѣнію распускать Сеймъ и назначать новые выборы до истеченія законнаго трехлѣтняго срока (глава I, § 3). Инициатива созыва чрезвычайнаго Сейма также принадлежитъ, по основному закону, одному монарху. Такимъ образомъ, проявленіе народной воли постоянно сковывается и урѣзывается внѣшней властью, которая заставитъ тѣмъ чаще ощущать свой гнетъ, чѣмъ неограниченнѣе будутъ ея проявленія въ предѣлахъ всего Русскаго государства.

Имѣется еще одинъ существенный недостатокъ въ основномъ законѣ Великаго Княжества, это—несовершенная постановка права интерпелляціи. Члену Сената, по вѣдомству котораго поступаетъ запросъ, предоставляется по § 32 право признать его „подлежащимъ отклоненію", вслѣдствіе чего сенаторъ по-произволенію можетъ и не давать требуемыхъ отъ него разъясненій. Право Сейма входить вообще въ обсужденіе закономѣрности служебныхъ дѣйствій правительства опредѣляется особыми постановленіями, не включенными въ основные законы края (этихъ особыхъ постановленій пока еще не существуетъ).

Не смотря на всѣ перечисленныя несовершенства современнаго Сеймоваго Устава, его нельзя не признать огромнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ той представительной системой, что существовала въ Финляндіи до 1906 г. Достаточно указать, что новымъ Уставомъ привлекаются къ политической жизни широкія массы населенія, остававшіяся совершенно безправными при господствѣ четырехкамерной, сословной системы представительства, основанной на имущественномъ цензѣ и пресловутой «лѣствицѣ голосовъ». Безправное населеніе Финляндіи составляло тогда свыше 70%; теперь оно не превышаетъ

50%. Архаическая система неравнаго представительства и накопленія голосовъ за избирателемъ отошла, благодаря революціонному взрыву 1905 г., въ область преданій. То, чего еще годъ тому назадъ добивалась одна пролетарская партія то, противъ чего, въ теченіе всѣхъ послѣднихъ лѣтъ, злобно ополчалась буржуазія,—гопило въ жизнь Финляндіи и легло въ основу ея конституціонныхъ законоположеній.

Предоставленіе Сейму, хотя и не полнаго, бюджетнаго права (глава IV § 43), правъ: повѣрки государственныхъ расходовъ, утвержденія чрезвычайныхъ налоговъ, опредѣленія государственныхъ ассигновокъ, изысканія средствъ для покрытія расходовъ, «поскольку ординарные доходы казны оказываются для сего недостаточными», во всякомъ случаѣ даетъ народному представительству сильное оружіе въ руки. Современный конституціонный законъ Финляндіи, если даже разсматривать его лишь какъ первую ступень къ утвержденію истиннаго народовластія, представляетъ во всякомъ случаѣ неизмѣримыя преимущества передъ нашими изуродованными и лицемѣрными положеніями о Государственной Думѣ.

Но, если финляндскій народъ и можетъ временно примириться со своими урѣзанными основными законами, ему необходимо по крайней мѣрѣ гарантировать себѣ полное и безпрепятственное ихъ примѣненіе къ жизни. Эта же гарантія, какъ было уже указано, находится—съ одной стороны—въ зависимости отъ побѣды освободительнаго движенія въ Россіи, съ другой—отъ той позиціи, какую въ свое время сумѣетъ занять Сеймъ. Позицію эту несомнѣнно опредѣлитъ составъ народныхъ представителей, столь различныхъ по своимъ задачамъ, стремленіямъ и интересамъ.

Выборы предстоятъ еще черезъ мѣсяцъ, но партіи уже давно ведутъ упорную и ожесточенную битву. Устная и печатная агитація забирается въ отдаленнѣйшіе, глухіе уголки Финляндіи. Буржуазная пресса злобно полемизируетъ съ цѣлымъ рядомъ соціалдемократическихъ органовъ, широко разбросанныхъ по всему краю. Пропорціональность представительства нисколько не ослабляетъ избирательной горячки, и борьба партій достигаетъ въ Финляндіи не меньшей остроты, чѣмъ въ странѣ съ системой представительства, основанной на простомъ большинствѣ. Потребности момента, новыя условія политической жизни выдвинули рядъ совершенно новыхъ запросовъ и произвели крупную перетасовку общественныхъ группъ. Новый притокъ свѣжихъ соціальныхъ элементовъ къ политической жизни измѣняетъ физіономію партій и преобразовываетъ ихъ

программы. Та партія, которая еще вчера, при господствѣ русскаго режима, могла съ полнымъ правомъ быть отнесенною къ разряду наиболѣе правыхъ, оказывается сейчасъ настроенной вполнѣ демократически; такова, напримѣръ, суометаріанская (старо-финноманская) партія. Наоборотъ, вчерашняя оппозиція, въ лицѣ конституціоналистовъ, добравшись до власти и вкусивъ отъ правительственнаго пирога, обращается въ типичную клику истыхъ бюрократовъ, покорно склоняющихъ голову всякій разъ, когда изъ „верхнихъ сферъ“ Имперіи раздается болѣе или менѣе внушительный окрикъ.

Старый суометаріанскій сенатъ палъ еще въ октябрскіе дни, но занявшіе его мѣсто шведскіе конституціоналисты проявляютъ себя въ политикѣ достойными подражателями старофинномановъ. „Тонкая политика“ конституціоналистовъ, съ ихъ галантной сговорчивостью, мало чѣмъ отличается отъ грубаго лакейства старо-финскаго сената.

Оппозиціонному знамени измѣнили не одни вожди конституціоналистовъ; вся шведская партія, подталкиваемая своими узко-классовыми интересами, замѣтно шагнула вправо. По своему классовому строенію, по духу, ее проникающему, шведская партія есть прежде всего партія крупной финляндской буржуазіи, родовитаго дворянства, заслуженнаго чиновничества. До водворенія Бобриковской системы шведская партія —свекоманы—представляла собою наиболѣе консервативную силу, явно противившуюся реформамъ народнаго представительства на началахъ большей демократичности. Какъ защитница интересовъ крупнаго капитала, партія эта стояла за свободу торговли, противопоставленную протекціонистскимъ симпатіямъ финомановъ; какъ представительница культурнаго либерализма, она высказывалась за равноправіе женщинъ и евреевъ, за свободу совѣсти и т. п. Отстаивая свои классовыя привилегіи противъ поползновеній новой, нарождающейся мелкой буржуазіи, выходящей изъ нѣдръ самого финскаго народа, шведская партія выѣзжала на излюбленномъ конькѣ своего „культурнаго“ превосходства, постоянно давая чувствовать свои многочисленныя заслуги передъ „низшимъ монгольскимъ племенемъ“. Бобриковскій режимъ, воцарившійся въ 1899 г. въ Финляндіи, заставилъ значительно полѣвѣть свекомановъ, привыкшихъ къ нераздѣльному господству. Отстоять отъ грубаго произвола русскаго самовластія свои классовыя привилегіи, превосходно защищавшіяся узко-классовой конституціонной системой Финляндіи, стало для свекомановъ жгучей политической потребностью. Сама несовершенная, уста-

рѣлая конституція родного края обратилась въ предметъ страстнаго поклоненія. Но къ кормилу правленія оказались призванными не они, пылкіе защитники конституціонныхъ традицій, а болѣе сговорчивые, менѣе кичащіеся своимъ „политическимъ прошлымъ“ старо-финноманы, и шведамъ оставалось одно—очутиться въ рядахъ оппозиціи. Наиболѣе-непримиримо настроенная часть свекомановъ, образовавшая впослѣдствіи фракцію младо-шведовъ, усиленно тянула партію влѣво—въ сторону радикальныхъ младо-финновъ. Старый споръ о языкахъ казался навсегда оставленнымъ передъ лицомъ общаго и грознаго врага. Апогея своего политическаго радикализма шведская конституціонная партія достигла въ октябрскіе дни, когда пошла на объединеніе не только съ младо-финнами, но вступила въ переговоры даже съ чуждой и ненавистной соціалдемократіей.

Но революціонная буря миновала; солнце политической свободы снова взошло надъ Финляндіей. Жизнь потекла обычной чередой, и всѣ острые углы классовыхъ противорѣчій, игнорировавшіеся, пока шла борьба съ общимъ противникомъ, обнаружились и съ удвоенной силой пребольно стали напоминать о себѣ. „Полѣвѣніе“ шведскихъ конституціоналистовъ, навѣянное событіями, стало быстро падать съ той поры, какъ бразды правленія очутились въ опытныхъ рукахъ ихъ вождей à la сенаторъ Мехелинъ. Послѣдней добровольной данью радикализму можно считать приглашеніе въ число сенаторовъ соціалдемократа Кари.

Надъ партіей сталъ витать призракъ неизбѣжнаго раскола: наиболѣе лѣвымъ элементамъ казалось душно и тѣсно въ атмосферѣ политическаго оппортунизма. Во время вернувшійся изъ-за границы популярнѣйшій эмигрантъ Аксель Лилле, редакторъ запрещенной при Бобриковѣ газеты „Nya Pressen“, сумѣлъ снова собрать подъ общее знамя начавшую было расползаться партію. Почуявъ опасность для привилегій шведской буржуазіи въ возрастающемъ вліяніи финномановъ, Лилле провозгласилъ необходимость тѣснаго сплоченія всѣхъ элементовъ шведскаго населенія безъ различія классовъ для защиты многовѣковой шведской культуры отъ разрушительныхъ поползновеній „финскихъ варваровъ“.

Образовавшаяся изъ недавнихъ конституціоналистовъ „Шведская народная партія“ (Swenskafolkspartiet) или, какъ ее не безъ злой иронія называютъ, „народная партія безъ народа“ представляетъ собою типичную консервативную силу, поглотившую и подчинившую себѣ радикальныхъ младо-шведовъ. Когда

то, въ дни великой забастовки, эта относительно-слабая и малочисленная фракція держала въ своихъ рукахъ дирижерскую палочку и давала тонъ всѣмъ шведскимъ конституціоналистамъ. Теперь роли перемѣнились, и господами положенія являются въ шведской партіи умѣренные элементы. Ядро „шведской народной партіи" несомнѣнно составляетъ крупная буржуазія; но классовое очертаніе партіи нѣсколько затуманивается всплывшимъ опять на поверхность вопросомъ о языкахъ. Въ ряды партіи вступаетъ чужая ей по духу мелкая и средняя шведская буржуазія, подписываясь, ради торжества шведскаго нарѣчія, подъ программой, весьма мало отвѣчающей ея экономическимъ интересамъ. Сознавая свою относительную слабость, свекоманы старательно развиваютъ свою агитацію среди прибрежныхъ жителей—шведовъ—крестьянъ и рыбаковъ, но усилія ихъ пока довольно безрезультатны.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ дать народу осторожная, умѣренная программа шведовъ, не обѣщающая рабочимъ ни охраны ихъ труда, ни упорядоченія ихъ матеріальнаго быта, не сулящая сельскому безземельному люду рѣшенія въ его пользу аграрнаго вопроса? Отрицая существованіе классоваго антагонизма, шведская партія заявляетъ себя представительницей и защитницей интересовъ всего шведскаго населенія и ставитъ себѣ цѣлью работать для поднятія экономическаго и нравственнаго положенія своего народа, надѣясь такимъ образомъ уничтожить пропасть между „образованными" и „низшими" классами (4 пунктъ II-ой части программы). Центромъ ея стремленій является утвержденіе господства шведскаго языка, сохраненіе его въ школахъ, въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ казенныхъ бумагахъ. Наиболѣе жгучему и больному въ Финляндіи вопросу—аграрному—свекоманы отводятъ весьма скромное мѣсто, выражая лишь общія пожеланія о развитіи земельнаго кредита, о расширеніи сельско-хозяйственнаго образованія, о реформированіи существующей арендной системы, объ отчужденіи и раздачѣ неимущему сельскому населенію казенныхъ земель на арендныхъ началахъ, безъ дальнѣйшаго обозначенія способа и размѣровъ отчужденія, системъ землепользованія и т. д. Нѣтъ также ни слова объ измѣненіи современной налоговой системы, тяжелымъ бременемъ ложащейся на необезпеченные слои населенія, или о какихъ бы то ни было мѣропріятіяхъ, направленныхъ въ защиту рабочихъ.

Общественно-политическая конъюнктура Финляндіи не представляетъ собою ничего благопріятнаго для шведской партіи и шансы ея на успѣхъ при выборахъ въ Сеймъ едва-ли велики.

Въ несравненно-лучшихъ условіяхъ находятся суометаріанцы. Если кто оспариваетъ другъ у друга преобладающее вліяніе на предстоящихъ выборахъ, такъ это, несомнѣнно, суометаріанцы и соціалдемократы. Наиболѣе горячая схватка въ избирательной битвѣ выпадетъ на долю этихъ, столь различныхъ по духу и строенію, партій. Изо всѣхъ буржуазныхъ партій суометаріанцы являются сейчасъ наиболѣе оппозиціонными и демократичными. Кто могъ-бы подумать года два тому назадъ, когда старо-финноманы находились у власти и являлись лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Бобриковской клики, что, послѣ совершившагося въ странѣ политическаго переворота, они окажутся въ рядахъ радикальной оппозиціи? Партія, державшая въ своихъ рукахъ всѣ нити государственной жизни родины, оказалась оттѣсненною гордыми, кичащимися своими предками, свекоманами. Это былъ жестокій ударъ самолюбію финномановъ, считавшихъ лишь себя однихъ „вѣрными и истинными сынами" родины и надѣявшихся заслужить своими „гражданскими подвигами" иную, болѣе достойную участь. Кто, какъ не они, путемъ уступокъ и подслуживаній, пытался отстоять автономію края? Кто, какъ не они, кривилъ душой и поступался своимъ достоинствомъ финляндскаго гражданина, ради сохраненія „спокойствія" въ странѣ и отвращенія революціонной бури? Кто, какъ не они, продавалъ свободу и независимость родины по частямъ, ради призрачной надежды спасенія „цѣлаго"?.. И за всѣ эти доблести быть оттѣсненными шведами; имъ—старымъ, заслуженнымъ сенаторамъ оказаться вынужденными подать въ отставку! Есть, отъ чего броситься въ ряды наиболѣе-непримиримой оппозиціи.

Впрочемъ, демократичность и извѣстный радикализмъ партій имѣетъ и болѣе глубокое основаніе. Старофинноманы еще до 1899 года были партіей крестьянства и мелкой буржуазіи по преимуществу. Бобриковскій режимъ зажалъ на-время ротъ наиболѣе демократическимъ элементамъ партіи. Тонъ давали маститые общественные дѣятели, дослужившіеся до сенатскихъ креселъ; партія правѣла и линяла. Разыгравшіяся въ концѣ 1905 г. политическія событія внесли въ ее новый духъ и произвели коренную перегруппировку партійныхъ элементовъ. Послѣ октябрскихъ дней старо-финноманы пережили столь-же крупную метаморфозу, что и шведскіе конституціоналисты, только въ обратномъ направленіи: крупная буржуазія увлекла свекомановъ вправо, здоровое демократическое ядро крестьянства заставило финномановъ шагнуть влѣво. По своему строенію суометаріанская партія представляетъ еще большую пес-

троту разнородныхъ общественныхъ элементовъ. На одномъ ея концѣ мы встрѣчаемъ почтенныхъ сенаторовъ, высшихъ судебныхъ властей и административныхъ чиновъ, помѣщиковъ, примыкающихъ къ ней по старой памяти; на другомъ—мелкаго крестьянина и даже торпаря. Ихъ соединяетъ цѣлая іерархическая лѣстница мелкихъ служащихъ, сельскихъ учителей, пасторовъ, лавочниковъ, мастеровъ. Вопросъ о языкѣ и въ этомъ случаѣ стираетъ ясныя классовыя очертанія партіи. Тѣмъ не менѣе, физіономія ея несомнѣнно опредѣляется и окрашивается преобладаніемъ въ ней крестьянства. Это не обезземеленное, обойденное крестьянство, ютящееся по чужимъ избамъ, вѣчно гонимое нуждой; нѣтъ—это прочно осѣвшіе на землю собственники, проникнутые сознаніемъ своего неотъемлемаго права на обрабатываемые ими участки.

При всей демократичности стремленій, суометаріанцы прежде всего реалисты и практики; ихъ партія почвенная, трезвая и, во всякомъ случаѣ, не склонная къ революціонной тактикѣ. Идеалы и требованія суометаріанцевъ не выходятъ за предѣлы современнаго буржуазнаго строя и совершенно чужды какимъ бы то ни было „соціалистическимъ утопіямъ".

Какъ партія крестьянская—по преимуществу, суометаріанцы удѣляютъ аграрнымъ отношеніямъ особенно много вниманія. Признавая необходимость обезпеченія землей многочисленнаго въ Финляндіи безземельнаго сельскаго населенія, суометаріанцы въ своей программѣ предлагаютъ рядъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій. Снабженіе землей предлагается организовать либо непосредственно—черезъ государство или коммуну, либо черезъ кооперативныя сельско-хозяйственныя товарищества. Всѣ, годныя для обработки, земли, принадлежащія государству или коммунѣ, а также крупныя помѣстья, отчуждаемыя по низкой оцѣнкѣ, дробятся и раздаются новоселамъ, либо на началахъ выкупа—путемъ выдачи казной спеціальныхъ погасительныхъ земельныхъ ссудъ, либо-же на началахъ долгосрочной аренды (главнымъ образомъ—коммунальныя земли) Кооперативнымъ товариществамъ выдается особая ссуда на пріобрѣтеніе земли, и государству вообще предлагается оказывать всяческую поддержку подобнымъ товариществамъ. Такимъ образомъ, принципъ отчужденія земли по низкой оцѣнкѣ и пріобрѣтенія ея сельскимъ пролетаріатомъ на правахъ частной собственности кладется въ основу программы суометаріанцевъ. Подробно указана въ программѣ регламентація отношеній земельныхъ собственниковъ, торпарей и бобылей, при чемъ большинство предлагаемыхъ мѣропріятій заимствовано изъ про-

граммы торпарей-соціалдемократовъ, съ той лишь разницей, что многія ея положенія не доведены до логическаго конца *).

По рабочему вопросу суометаріанцы не выставляютъ почти никакихъ конкретныхъ требованій. Вполнѣ признавая всю тяжесть положенія фабрично-заводскаго пролетаріата, партія отдѣлывается общими мѣстами относительно: необходимости сокращенія рабочаго дня—безъ обозначенія границъ, распространенія страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и на сельскохозяйственныхъ рабочихъ, введенія обязательнаго страхованія на случай болѣзни, старости и инвалидности и при томъ не только для рабочихъ, но и для мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ, учрежденія посредническихъ камеръ, улучшенія жилищныхъ условій, учрежденія обществъ доставленія работъ безработнымъ, открытія ремесленныхъ школъ.

Въ этой области соперничаніе суометаріанцевъ съ соціалдемократіей оказывается дѣломъ безнадежнымъ. Буржуазный духъ, пронитывающій партію, лишаетъ ее возможности смѣлымъ размахомъ требованій посягнуть на коренныя основы современнаго общества. Пролетаріату, съ его выкристализовавшейся классовой психологіей, съ его неудержимымъ стремленіемъ подкопаться подъ тяжелый фундаментъ буржуазнаго общества, нѣтъ мѣста въ рядахъ этой буржуазной демократіи, съ ея умѣренными стремленіями и анти-революціонной тактикой.

Въ близкомъ родствѣ съ суометаріанцами, отличаясь все-же отъ нихъ по духу и строенію, находится славящаяся многіе годы своимъ радикализмомъ партія младо-финновъ. Краеугольнымъ камнемъ своихъ стремленій младо-финны выставляютъ, подобно суометаріанцамъ, полное господство народнаго финскаго языка. Но, рядомъ съ этимъ, выдвигаются ею требованія и болѣе радикальнаго характера, какъ-то: замѣна существующей налоговой системы прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ, демократизація коммунальнаго самоуправленія, реформа народной школы и вообще образованія на началахъ большей ихъ демократизаціи и т. д. По рабочему и аграрному вопросамъ требованія младо-финновъ не отличаются однако особенной характерностью и вообще совпадаютъ съ программой суометаріанцевъ: тѣ-же общія пожеланія о законодательной нормировкѣ рабочаго дня, объ охранѣ труда женщинъ и дѣтей, о широкомъ развитіи обязательнаго страхованія, безъ конкретизированія своихъ требованій. Аграрная программа значи-

*) О соціалдемократической программѣ торпарей поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

тельно сжатѣе; торпарному вопросу удѣлено гораздо меньше вниманія; въ основу положенъ тотъ же принципъ надѣленія безземельнаго населенія церковными, казенными и коммунальными землями; объ отчужденіи крупныхъ частновладѣльческихъ помѣстій не упоминается. Въ частности, предлагается уничтожить существующія земельныя повинности, ложащіяся на отдѣльныхъ хозяевъ, и перенести ихъ на коммуны. Требуется также поддержка государствомъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ и расширеніе сельско-хозяйственнаго образованія

Скелетъ младо-финской партіи образуетъ городская буржуазія, интеллигенція — по преимуществу: лица свободныхъ профессій—профессора, писатели, адвокаты, художники; примыкаютъ къ ней и болѣе демократическіе элементы—мелкая городская буржуазія, отчасти, хотя и въ небольшомъ числѣ, крестьянство Какъ не имѣющая даже въ своемъ ядрѣ опредѣленной классовой окраски, партія эта обречена на безсиліе. Въ свое время младо-финны радикализмомъ своимъ выгодно отличались отъ старо-финномановъ, но съ тѣхъ поръ, какъ суометаріанцы вступили на новый, демократическій путь, обаяніе младо-финновъ меркнетъ и пропадаетъ. Союзъ, заключенный въ революціонные дни между младо-финнами и свекоманами-конституціоналистами, распался съ той минуты, какъ на авансцену снова выдвинулся вопросъ о языкахъ. Раствориться въ рядахъ суометаріанцевъ, отъ которыхъ младо-финны презрительно отворачиваются за ихъ „мѣщанскіе идеалы", затруднительно для младо-финновъ, привыкшихъ считать себя носителями знамени истиннаго радикализма; протянуть руку пролетаріату—мѣшаетъ соціалистическій духъ, проникающій собою все финляндское рабочее движеніе. Остается итти своимъ одинокимъ путемъ, отражая удары и справа, и слѣва. *)

Таковы главныя партіи, противопоставляющія себя соціалдемократіи. Изъ остальныхъ укажемъ на недавно образовавшійся „Земельный Союзъ", обслуживающій спеціально интересы мелкихъ землевладѣльцевъ (не торпарей и др. безземельныхъ), который по своимъ обще-политическимъ стремленіямъ весьма близокъ къ суометаріанцамъ. Программа его отводитъ лишь особое мѣсто изысканію способовъ для поднятія благосостоянія мелкихъ земельныхъ собственниковъ, отчего въ извѣстной части крестьянскаго населенія Финляндіи эта партія, вѣро-

*) Интересно отмѣтить, что всѣ три главныя партіи Финляндіи включаютъ въ свою программу требованіе равноправія женщинъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

ятно, найдетъ приверженцевъ. Существуетъ еще партія крупной промышленной буржуазіи (Lugno och fredliga utweckling)—нѣчто въ родѣ нашихъ „мирнообновленцевъ"; но эта партія крайне малочисленна и не пользуется никакимъ вліяніемъ. Въ пролетарской средѣ сорганизовался, буржуазный по духу, „Христіанскій рабочій союзъ", но и эта группка насчитываетъ въ своихъ рядахъ лишь незначительное число приверженцевъ и значеніе ея совершенно ступевывается передъ растущей мощью соціалдемократіи. А что вліяніе соціалдемократіи растетъ съ каждымъ днемъ, не могутъ отрицать даже ея противники. Года полтора тому назадъ она насчитывала въ своихъ рядахъ 45.300 членовъ; съ тѣхъ же поръ, какъ съ Финляндіи спали путы полицейскаго режима Россіи, она возросла до внушительной цифры 62½ тысячи. Такимъ образомъ почти ¾ фабрично-заводскихъ рабочихъ Финляндіи находятся сейчасъ подъ знаменами соціалдемократіи. Нѣтъ ничего удивительнаго, если при такомъ быстро-усиливающемся вліяніи партіи, соціалдемократіи принадлежитъ почетное мѣсто во всей избирательной кампаніи и если она имѣетъ весьма основательныя надежды провести въ Сеймъ внушительное число своихъ депутатовъ.

Уже почти всѣ кандидаты соціалдемократической партіи намѣчены. Опредѣляются они при помощи пробнаго голосованія, при чемъ эти пробные выборы устраиваются на самыхъ демократическихъ началахъ—въ нихъ участвуютъ всѣ граждане, которымъ исполнилось 18 лѣтъ. Среди кандидатовъ особенной популярностью пользуются: редакторъ центральнаго партійнаго органа Е. Вальпасъ, Сирола—бывшій редакторъ Таммерфорской соціалдемократической газеты, столяръ Пасивуори, Н Урсинъ —одинъ изъ основателей соціалдемократическаго движенія и др. Намѣчены и женщины: Х. Перссинэнъ, Матти Силланпэ, Марія Лайно и др.

Есть всѣ основанія разсчитывать на блестящій исходъ избирательной кампаніи для финляндской рабочей партіи, но подробное разсмотрѣніе этихъ шансовъ, какъ и вообще оцѣнку современной предвыборной работы соціалдемократіи, откладываемъ до другого раза. Затронуть бѣглымъ образомъ агитаціонную работу соціалдемократической партіи въ данный серьезный историческій моментъ и лишь поверхностно коснуться ея пространной избирательной платформы, значило-бы ослабить и умалить то дѣйствительно-внушительное впечатлѣніе, какое производитъ энергичная и самоотверженная борьба финляндскаго революціоннаго пролетаріата за побѣду свободы и утвержденіе народовластія по ту и другую сторону финляндской границы.

4 февраля 1907.

Высказанныя за мѣсяцъ до выборовъ надежды на побѣду соціалдемократической рабочей партіи превзошли всѣ ожиданія. Упорная предвыборная борьба соціалдемократіи увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ—соціалдемократія завоевала 80 депутатскихъ мѣстъ изъ 200, получивъ изъ общаго числа 860 тыс. поданныхъ голосовъ 327.388. Если бы выборы въ Финляндіи производились не на основаніи пропорціональнаго представительства и на основаніи простого большинства, то Сеймъ оказался бы почти цѣликомъ въ рукахъ пролетаріата. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько такого рода явленіе при, наличности всѣхъ современныхъ общественно-политическихъ условій, было бы благопріятно для дальнѣйшаго роста и развитія соціалдемократіи, нельзя не усмотрѣть въ этомъ фактѣ показателя того вліянія и значенія, какой соціалдемократія, благодаря своей энергичной агитаціонной работѣ и выдержанной, стойкой политикѣ, пріобрѣла за послѣдніе годы въ Финляндіи.

Остальныя мѣста въ Сеймѣ распредѣляются слѣд. образомъ: суометаріанцы имѣютъ 58 депутатовъ (за нихъ подано было 240899 голосовъ), младо-финны—25 депутатовъ (при 121.703 поданныхъ голосовъ), шведская партія 24 депутата (получила 102.800 голосовъ), земельный союзъ—11 депутатовъ (получила 49.921 голосъ), христіанскій рабочій союзъ—2 мѣста (подано прибл. $13^1/_2$ тыс. голосовъ).

Передъ финляндскимъ пролетаріатомъ открывается новая арена борьбы въ стѣнахъ парламента. Цѣлый рядъ важныхъ соціальныхъ реформъ, среди которыхъ на первый планъ выдвигаются вопросы аграрный и фабричнаго законодательства съ расширеніемъ области обязательнаго страхованія, предполагается внести на разсмотрѣніе Сейма. Удастся ли провести эти законопроекты въ жизнь или совокупными усиліями финляндской „конституціонной“ буржуазіи и русскаго правительства ихъ положатъ подъ сукно—зависитъ какъ отъ стойкости соціалдемократической фракціи въ самомъ парламентѣ, такъ и отъ интенсивности освободительнаго движенія массъ въ Финляндіи и Россіи. Каковы бы не были результаты борьбы соціалдемократической сеймовой фракціи, блестящая побѣда, одержанная на выборахъ рабочей партіей, сейчасъ во всякомъ случаѣ имѣетъ громадное значеніе не для одной лишь Финляндіи, но и для дѣла освобожденія Россіи, для великой, міровой пролетарской цѣли. Побѣда финскаго пролетаріата—это сейчасъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ обычное торжество парламентской фракціи, это побѣда новаго восходящаго лучезарнаго будущаго, съ его гармоніей труда и радостнаго досуга, надъ одряхлѣвшей, клас-

сово-эксплуататорской современностью, влачащей свое жалкое существованіе подъ бичемъ всесильнаго капитала...

Пожелаемъ же нашимъ финляндскимъ товарищамъ успѣховъ въ созидательной работѣ на новомъ поприщѣ и будемъ надѣяться, что финляндскій народъ во всей своей совокупности сознательно оцѣнитъ всю важность политическаго момента, проявитъ свое непобѣдимое стремленіе къ полной политической свободѣ и сумѣетъ закрѣпить въ странѣ начало истиннаго и широкаго народовластія.

А. К—ай.

Еще о харантерѣ русской революціи.

Отвѣчая на мою статью во II кн. „Откликовъ", посвященную идеямъ Каутскаго о русской революціи, тов. С. Борисовъ въ № 3 „Вѣстника Жизни" заявляетъ (стр. 90):

„Соотношеніемъ соціальныхъ силъ и направленіемъ ихъ дѣйствія опредѣляется и общая тенденція движенія, и степень демократизма новаго строя, *а слѣдовательно, и характеръ революціи*" (курс. мой).

Эта формула противопоставляется указанному мною критерію для опредѣленія характера революціи: критерію ея соціально-экономическаго содержанія.

Т. Борисовъ думаетъ вывести характеръ революціи (классовый характеръ революціи!) изъ „степени демократизма новаго строя", ею рождаемаго. Я предпочелъ бы обратное: возможную степень демократизма новаго строя вывести—изъ характера революціи. Иначе мы рискуемъ притти къ тому, что будемъ разсматривать различныя историческія формаціи общества, выражающія господство противоположныхъ классовъ, какъ разныя степени воплощенія демократической *идеи*. Феодализмъ и абсолютизмъ—демократизмъ въ „нулевой" степени; олигархическое господство крупной буржуазіи—немножко больше демократизма; буржуазная республика—еще немножко больше демократизма; соціализмъ—полное воплощеніе демократіи.

Все это будетъ столь же вѣрно съ точки зрѣнія „здраваго смысла", сколько безсодержательно и неправильно съ точки зрѣнія историческаго матеріализма. Разсматривать діалектическую смѣну общественныхъ формъ, какъ „эволюціонный" процессъ развитія демократіи—значитъ становиться на почву идеализма, значитъ итти не за Марксомъ и Энгельсомъ, а за Бернштейномъ и Жоресомъ.

По т. Борисову, самая „степень демократизма новаго строя" объясняется „соотношеніемъ соціальныхъ силъ и направленіемъ

ихъ дѣйствія". Авторъ знаетъ, что эти соціальныя силы „экономически обусловлены", но догадывается ли онъ, что столь же экономически обусловленнымъ является и то „направленіе ихъ дѣйствія", изъ котораго онъ непосредственно выводитъ „степень демократизма новаго строя, а слѣд., и характеръ революціи?" Повидимому, нѣтъ, ибо онъ говоритъ:

„Намъ кажется, что „критика" т. Мартова была бы болѣе плодотворной, если бы онъ выяснилъ, насколько вѣрно Каутскій обрисовалъ *экономическое строеніе и состояніе Россіи* (курсивъ мой Л. М.), насколько онъ правильно вывелъ изъ этой „матеріальной" основы соціальныя отношенія въ странѣ, и наконецъ, насколько точно онъ учелъ классовыя силы и интересы. Вѣдь, въ этомъ центръ вопроса. Свои политическія задачи мы ставимъ, измѣряя величину и направленіе экономически обусловленныхъ силъ и интересовъ, и если они вѣрно опредѣлены,—постановка задачъ въ связи съ характеромъ революціи имѣетъ вполнѣ объективное значеніе".

Т. Борисовъ въ этихъ словахъ довольно ясно изложилъ тотъ методъ, которымъ онъ руководствуется. Достаточно ясно, чтобъ показать намъ, въ чемъ этотъ методъ *отступаетъ* отъ метода марксизма. Взять за исходный пунктъ *данное* „экономическое строеніе и состояніе" и затѣмъ ставить „политическія задачи" такъ, какъ химикъ ставитъ свою задачу, исходя изъ *произвольно скомбинированныхъ* имъ самимъ элементовъ матеріи,—значитъ, обрывать примѣненіе матеріалистическаго метода какъ разъ тамъ, гдѣ передъ нимъ открываются самыя значительныя, хоть и отнюдь не непреодолимыя, трудности. Марксистъ при построеніи своихъ задачъ долженъ исходить не изъ „экономическаго *состоянія*", а изъ экономическаго *движенія*, не изъ статики а изъ динамики экономическаго „строенія". Экономически обусловленными являются для него не только данныя „силы и интересы", но и *ихъ развитіе*.

Недостаточно констатировать, что крупная буржуазія въ данный моментъ численно слаба и лишена экономическаго могущества; что мелкая буржуазія городовъ не подчинила себѣ экономической жизни страны; что крестьянское хозяйство составляетъ въ данный моментъ главную основу этой экономической жизни. Недостаточно констатировать все это, чтобы правильно вывести изъ этого взаимоотношенія силъ и интересовъ направленіе революціоннаго процесса и чтобы приложеніемъ своихъ единоличныхъ или коллективныхъ усилій воздѣйствовать на это направленіе („поставить политическую задачу"). Такъ поступали теоретики одной фракціи русскаго народничества—г.г. В. В. и Николай—онъ, которые, по недоразумѣнію, считались у насъ долго „марксистами". Николай—онъ анализировалъ статику русскаго народнаго хозяйства и на основаніи

своего „матеріалистическаго“ анализа совершенно *идеалистически* строилъ для „государства“ или для „мыслящихъ личностей“ задачу комбинаціи найденныхъ имъ матеріальныхъ элементовъ въ желательномъ ему смыслѣ. Не иначе поступаютъ и тѣ соціалдемократы, точку зрѣнія которыхъ отстаиваетъ тов. Борисовъ. Выяснивъ взаимное отношеніе интересовъ и силъ различныхъ классовъ современнаго русскаго общества—землевладѣльцевъ, буржуазіи, мелкаго мѣщанства, крестьянства и пролетаріата,—они ставятъ передъ собою вопросъ: комбинація какихъ именно классовъ можетъ, принимая во вниманіе ихъ интересы, довести революцію до конца? И получаютъ отвѣтъ: „коалиціонная диктатура пролетаріата и крестьянства“ (т. Борисовъ, стр. 100).

Вопросъ о томъ, какъ въ ходѣ развитія самой революціи будутъ измѣняться данныя взаимоотношенія классовъ, для нихъ **не существуетъ.** Вмѣсто того, чтобы выяснить, какъ *характеръ переживаемой революціи* будетъ съ ея развитіемъ видоизмѣнять взаимоотношеніе между землевладѣльцами, городской буржуазіей, крестьянствомъ и пролетаріатомъ, они, напротивъ, опредѣляютъ взаимоотношеніемъ этихъ классовъ *въ данный моментъ* характеръ самой революціи.

Мы говоримъ: *такъ какъ* переживаемая Россіей революція, по своему соціально-экономическому содержанію, буржуазна, то, по мѣрѣ ея развитія, будетъ развертываться буржуазное содержаніе революціоннаго движенія крестьянскихъ массъ и тѣмъ самымъ анти-буржуазная идеологія этого движенія и антиреволюціонная идеологія городской буржуазіи будутъ вытѣснены буржуазно-революціонной идеологіей, которая объединитъ или **сблизитъ** эти два класса.

Большевикъ же разсуждаетъ такъ: *такъ какъ* крестьянское движеніе возникло внѣ связи съ буржуазнымъ либерализмомъ и сильно окрашено анти-либеральной идеологіей, а буржуазный либерализмъ проявляетъ не-революціонныя *и* даже анти революціонныя тенденціи, *то* развитіе революціи должно будетъ все болѣе сближать крестьянство съ пролетаріатомъ, а буржуазію съ абсолютизмомъ и дворянствомъ, и революція, *если она побѣдитъ до конца*, окажется не—буржуазной, а „демократической“.

Именно: если она побѣдитъ. Ибо, если она до конца не побѣдитъ, то и для большевиковъ она несомнѣнно окажется „буржуазной“, то есть, закончится классовымъ господствомъ буржуазіи. Слѣдовательно, характеръ революціи опредѣлится

„степенью демократизма достигнутаго строя", то есть, степенью приближенія этого строя къ *нашимъ* идеаламъ.

Такое опредѣленіе насквозь пропитано субъективнымъ идеализмомъ и ведетъ къ весьма любопытнымъ выводамъ. Характеръ революціи опредѣляется степенью „демократизма" завоеваннаго ею строя. Но каждый политическій строй выражаетъ собою классовое господство опредѣленнаго общественнаго класса. На столько то т. Борисовъ „марксистъ", чтобъ это помнить или считаться съ этимъ. Онъ и пробуетъ найти формулу, которая, не нарушая цѣлости его идеалистической концепціи, „учла" бы эту связь между политическимъ строемъ и классовымъ господствомъ. Вотъ эта формула (стр. 951): „Въ политической борьбѣ каждый общественный классъ стремится фиксировать свою соціальную силу въ соотвѣтствующей политической формѣ. Политической формой буржуазнаго государства является цензовая конституція съ сильной исполнительной властью. Демократическій строй представляетъ *уже ограниченіе буржуазнаго господства демократическими классами, сознавшими свою силу и созрѣвшими для политической жизни*" (курс. мой).

Демократическій строй есть „ограниченіе буржуазнаго господства"—эта формула „ортодоксальнаго" т. Борисова приводитъ его прямикомъ... къ Эдуарду Бернштейну. Бернштейнъ въ своей „критикѣ" говорилъ, что демократія „является принципіальнымъ уничтоженіемъ классоваго господства, если не фактическимъ уничтоженіемъ классовъ". Т. Борисовъ не заходитъ такъ далеко, какъ Бернштейнъ; онъ говоритъ не объ уничтоженіи, но только объ ограниченіи классоваго господства въ демократіи. Но, по существу, онъ говоритъ то же, что и Бернштейнъ. Какъ и для Бернштейна, для т. Борисова ростъ политическихъ *правъ* угнетенныхъ классовъ равнозначущъ съ ограниченіемъ классоваго господства эксплуататоровъ. Если допустить, что демократическій строй означаетъ „уже ограниченіе буржуазнаго господства", то вполнѣ естественно съ нашей стороны будетъ допустить, что развитіе демократическаго строя будетъ означать все большее ограниченіе этого господства, которое въ извѣстный моментъ можетъ *прійти къ нулю*. *„Мирное" развитіе демократіи къ соціализму; соціализмъ, какъ результатъ постепеннаго развитія „демократическаго строя"—таковъ логическій выводъ изъ формулы т. Борисова.*

„Мы знаемъ", говоритъ т. Борисовъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 93), „что мелкобуржуазное хозяйство со временемъ постепенно деградируетъ, что буржуазно-капиталистическій строй достигнетъ мощнаго развитія, со всѣми его противорѣчіями".

Очень хорошо, что т. Борисовъ, вообще, знаетъ это. Но было бы еще лучше, еслибъ онъ объ этомъ *не забывалъ* въ самомъ интересномъ мѣстѣ своихъ разсужденій о характерѣ русской революціи. Если демократическій строй, который долженъ возникнуть въ результатѣ послѣдней, являетъ собой „уже ограниченіе буржуазнаго господства демократическими классами", то какова должна быть, по т. Борисову, эволюція этого строя по мѣрѣ признаваемаго имъ неизбѣжнымъ „деградированія мелкобуржуазнаго хозяйства". Понимая зависимость между политической формой и классовыми отношеніями такъ, какъ понимаетъ т. Борисовъ въ вышеприведенной цитатѣ, нельзя отвѣтить на этотъ вопросъ иначе, какъ предположеніемъ, что дальнѣйшее экономическое развитіе приведетъ или къ *гибели демократіи* или къ *ея сохраненію путемъ раздѣленія господства въ ней между капиталистической буржуазіей и пролетаріатомъ*.

Въ самомъ дѣлѣ. Если въ политической демократіи будетъ фиксировано ограниченіе господства буржуазіи классомъ мелкихъ производителей, то экономическое паденіе мелкаго производства должно будетъ свести на нѣтъ демократію, если только роль мелкаго производителя, раздѣляющаго политическое господство съ буржуазіей, не будетъ переходить къ пролетаріату, который развитіемъ крупнаго производства ставится на мѣсто мелкой буржуазіи. Въ послѣднемъ случаѣ мы и имѣемъ тотъ бернштейновско-жоресовскій идеалъ раздѣла политической власти между пролетаріатомъ и буржуазіей, который логически вытекаетъ изъ формулы т. Борисова.

Политическія права экономически угнетенныхъ классовъ отнюдъ не означаютъ ограниченія классоваго господства эксплуататорскихъ классовъ. Они означаютъ при классовомъ дѣленіи общества *только обезпеченіе извѣстнаго простора для классовой борьбы*. Пока общество дѣлится на классы, „народовластіе" можетъ означать только такую организацію господства буржуазныхъ классовъ надъ классами эксплуатируемыми, въ которой минимальную роль играютъ средства прямого государственнаго принужденія и относительно-наибольшую—средства экономическаго давленія. Только и всего.

На той стадіи экономическаго развитія, которую переживаетъ нынѣ Россія, мелкое товарное производство играетъ чрезвычайно большую роль. Революція, разрушая власть „стараго порядка" надъ классами буржуазнаго общества, *ближайшимъ образомъ* дѣлаетъ рѣшающимъ факторомъ политической жизни *классъ мелкихъ производителей*. Въ *этомъ* смыслѣ можно говорить о *мелкобуржуазномъ* характерѣ русской революціи, а поскольку мелкая буржуазія можетъ играть роль такого фактора

линь при демократизированіи государственныхъ формъ, можно говорить и о „демократической революціи“. Но дѣлать отсюда выводъ о томъ, что мелкая буржуазія раздѣлитъ классовое господство съ крупной, станетъ господствующимъ классомъ, совершенно невозможно. Сѣверо-американская революція была „крестьянски-мелкобуржуазной“ революціей въ указанномъ только что смыслѣ. Она создала въ Соединенныхъ Штатахъ тотъ самый демократическій строй, при которомъ отсутствуетъ „цензовая конституція съ сильной исполнительной властью“. Но называть Соединенные Штаты страной, въ которой „буржуазное господство уже ограничено“, не приходило до сихъ поръ въ голову даже ни одному бернштейніанцу, какъ никому до сихъ поръ не доводилось признавать американскую республику противорѣчащей понятію „буржуазнаго государства“.

Въ Февральской революціи во Франціи „движущими силами“ явились мелкая буржуазія и пролетаріатъ. Разбивъ олигархическую конституцію, позволявшую крупной буржуазіи господствовать надъ массами при помощи прямого государственнаго принужденія, мелкое мѣщанство воображало, что въ его лицѣ „народъ“ (le peuple) достигъ государственнаго господства. Такъ какъ, однако, мелкая буржуазія на той стадіи экономическаго развитія таила въ своихъ нѣдрахъ множество эмбріоновъ буржуазіи капиталистической, то политическій переворотъ, происшедшій въ февралѣ 1848 г., не только не уничтожилъ или не ограничилъ буржуазнаго господства, но, напротивъ, послужилъ исходной точкой того политическаго процесса, который создалъ широкую базу для этого господства. Въ „Классовой борьбѣ“ и „18 брюмера“ Марксъ показываетъ, какъ республика, завоеванная въ февралѣ *противъ* крупной буржуазіи, со второго же дня стала попадать во все большую фактическую зависимость отъ этой самой буржуазіи. Ставъ *формально* господиномъ государственной власти, мелкая буржуазія была слишкомъ непосредственно заинтересована въ безпрепятственномъ развитіи капиталистическихъ отношеній (развитіи, которое ближайшимъ образомъ „переводило“ часть ея изъ мелкой буржуазіи въ капиталистическую), чтобы не усиливать зависимости государства, а, слѣдовательно, и свою собственную зависимость—отъ царей денежнаго и промышленнаго капитала.

И если русская революція осуществитъ въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ „народовластіе“, то есть, формально передастъ власть большинству народа—классу мелкихъ производителей—то съ этого самаго момента данный классъ явится политическимъ вассаломъ капитала. Вотъ почему я имѣлъ право говорить въ своей статьѣ въ № 2 „Откликовъ“, что строй, который установитъ побѣда революціи, „такъ сказать, автомати-

чески рождаетъ изъ себя классовое господство буржуазіи". Чтобы опровергнуть эту мысль, не вступая на скользкій путь бернштейніанской постепенной эволюціи отъ демократіи къ соціализму, надо доказать либо то, что русская революція не только „мелкобуржуазна", но и *анти-буржуазна*, то есть, завершится побѣдой *мелкихъ производителей надъ капиталомъ и остановитъ дальнѣйшій прогрессъ капитализма*—и тогда мы будемъ имѣть дѣло съ повтореніемъ той формулы русской революціи, которую давно уже выразила „партія с.-р.". Или же надо доказать, что современная русская революція, *начавшись* съ побѣды мелкой буржуазіи, *разовьется въ классовую революцію пролетаріата*, завершившись соціализмомъ. Какъ извѣстно, въ этомъ собственно направленіи работаетъ мысль т. Троцкаго.

Чтобы спасти себя отъ этой дилеммы, т. Борисовъ прибѣгаетъ къ оригинальному пріему. Онъ пытается *устранить самый вопросъ* о соціологическомъ значеніи переживаемой Россіей революціи.

„Формула т. Мартова", говоритъ онъ (стр. 91), „является прямымъ отвѣтомъ на вопросъ т. Плеханова—и притомъ отвѣтомъ, такъ сказать, логически вытекающимъ изъ самаго вопроса. Въ самомъ дѣлѣ... взглянемъ на нее (революцію), какъ на переворотъ въ производственныхъ отношеніяхъ, слѣдовательно,—какъ на соціальную революцію: тогда ясно, что если наша революція еще не ведетъ къ соціалистическому строю,—то она является буржуазной революціей.

„Но у насъ является вопросъ, гдѣ же мы видимъ *революцію* въ производственныхъ отношеніяхъ, буржуазную соціальную революцію? Товарно-капиталистическое хозяйство и буржуазное общество развились у насъ путемъ сдѣланнаго эволюціоннаго процесса. До сихъ поръ ихъ развитіе совершалось въ легальныхъ государственно-правовыхъ формахъ. Въ настоящее время они стали въ рѣзкое противорѣчіе съ ними и требуютъ ихъ коренного преобразованія въ интересахъ дальнѣйшаго развитія буржуазнаго капиталистическаго строя. Но это преобразованіе государственно-правовой надстройки является *политической* революціей, а не соціальнымъ переворотомъ".

Все это мѣсто въ высшей степени характерно для той путаницы понятій, которое царитъ въ настоящее время въ нѣкоторыхъ соціалдемократическихъ головахъ. Самъ авторъ говоритъ, что совершавшееся доселѣ „мирнымъ эволюціоннымъ" путемъ развитіе капитализма вступило въ настоящій моментъ въ рѣзкое противорѣчіе съ государственно-правовыми формами и это противорѣчіе создало „политическую" революцію. Казалось бы, этого достаточно, чтобы умозаключить о соціальномъ (буржуазномъ) характерѣ той революціи, которая является необходимо обусловленнымъ звеномъ въ развитіи указаннаго противорѣчія между „базой" и „надстройкой". Но авторъ такого вывода не дѣлаетъ, а, вмѣсто того, бросаетъ отдѣльныя фразы о томъ, что „аграрная революція въ Россіи... не заполняетъ всего поля демократической революціи и не составляетъ ея единственнаго содержанія" и что „по своей экономической и соціальной сущности, эта аграрная революція „является не буржуазно-капита-

листической, а мелко-буржуазной революціей. Она ближайшимъ образомъ ведетъ къ укрѣпленію крестьянскаго хозяйства и лишь косвенно способствуетъ капиталистическому развитію".

Изъ всѣхъ этихъ попытокъ *отговориться* отъ сути дѣла приходится обратить особое вниманіе на то положеніе, согласно которому русская аграрная революція „ближайшимъ образомъ ведетъ къ укрѣпленію крестьянскаго хозяйства", а потому должна быть признана „мелкобуржуазной революціей". Казалось бы, въ этихъ словахъ и надо искать ключа къ пониманію того, почему т. Борисовъ ожидаетъ, что въ результатѣ россійской революціи явится „ограниченіе буржуазнаго господства демократическими классами". Однако нѣсколькими строками выше можно прочесть, что великая французская революція была совершена „въ интересахъ, главнымъ образомъ, мелкой и средней буржуазіи" и что „аналогичный характеръ имѣетъ и наша аграрная революція". Относительно великой французской революціи никто, кажется, не сомнѣвался, что ея результатомъ явилось не „ограниченіе буржуазнаго господства", а, напротивъ, его полное развитіе. И противопоставленіе, дѣлаемое т. Борисовымъ: „не буржуазно-капиталистическая, а мелкобуржуазная революція", теряетъ послѣ этой ссылки всякій смыслъ.

„Укрѣпленіе крестьянскаго хозяйства", какъ доводъ противъ буржуазно-капиталистическаго „характера революціи..." А не слыхалъ ли т. Борисовъ, что великая французская революція тоже ближайшимъ образомъ привела къ укрѣпленію крестьянскаго хозяйства"? Такъ не назвать ли ужъ намъ и эту революцію „не буржуазной, но демократической"? Не объявить ли намъ разъ навсегда, что буржуазныхъ революцій, вообще, никогда не бывало? Не указать ли на то несомнѣнное обстоятельство, что вплоть до 1789 г. во Франціи „товарно-капиталистическое хозяйство и буржуазное общество развивались... путемъ медленнаго эволюціоннаго процесса... въ легальныхъ государственно-правовыхъ формахъ", какъ это устанавливаетъ т. Борисовъ для Россіи Что, напримѣръ, въ легальныхъ государственно-правовыхъ формахъ совершилась при Тюрго отмѣна цеховъ и что значительная часть юридическихъ отношеній, составлявшихъ совокупность феодализма, также точно въ легальныхъ формахъ была отмѣнена еще въ до-революціонный періодъ?

Мысль т. Борисова бьется въ тѣхъ метафизическихъ категоріяхъ, которыя искони были присущи нашему революціонному народничеству. Еще въ № 8 „Революц. Россіи"—чтобъ не заходить дальше—слѣдовательно, въ 1902 г., соціалисты-революціонеры объявили, что буржуазное производство водворилось въ Россіи „эволюціоннымъ путемъ" послѣ освобожденія крестьянъ

янъ и что, поэтому, предстоящая русская революція останется „только политической“, если ей не удастся *придать* характеръ революціи соціальной разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса въ народническомъ смыслѣ, т. е. если она не превратится въ „крестьянскую“ революцію, не закончится „укрѣпленіемъ крестьянскаго хозяйства“. Въ качествѣ соціалдемократа, т. Борисовъ знаетъ, что такое укрѣпленное хозяйство будетъ „мелкобуржуазнымъ“ хозяйствомъ, которое со временемъ начнетъ „деградировать“. Но, желая во что бы то ни стало санкціонировать ошибочные тактическіе взгляды „большевиковъ“, онъ не дѣлаетъ изъ этого факта надлежащихъ выводовъ, а распространяетъ терминъ „только политической“ революціи и на процессъ „укрѣпленія крестьянскаго хозяйства“, затѣмъ это укрѣпленіе противополагаетъ ходу развитія буржуазно-капиталистическихъ производственныхъ отношеній и кончаетъ тѣмъ, что „разница“ между имъ и нами „скорѣе въ общихъ опредѣленіяхъ, чѣмъ въ содержаніи взглядовъ на дѣйствительность и что опредѣленіе нашей революціи, какъ буржуазной вообще, вѣрно, но охватываетъ ее слишкомъ широкими скобками“, слишкомъ „алгебраично“ для того, чтобы изъ него сдѣлать „политическіе выводы“.

И, однако, изъ такой „алгебраической формулы“ мы должны исходить во всякомъ случаѣ, если не желаемъ оказаться въ плѣну у порожденныхъ нашимъ же собственнымъ сознаніемъ иллюзій этихъ рефлексовъ тѣхъ частныхъ соціально-политическихъ процессовъ, которые могутъ быть постигнуты и осмыслены нами лишь постольку, поскольку мы уяснили себѣ историческую сущность всего революціоннаго процесса въ цѣломъ. Не имѣя этой руководящей нити, какъ, въ самомъ дѣлѣ, не поддаться обаянію того факта, что чуть ли не поголовно сельская и городская демократія при своемъ политическомъ пробужденіи увлекается идеей соціализма? Какъ не усмотрѣть въ этомъ фактѣ длительно-дѣйствующаго источника растущаго въ ходѣ революціи политическаго сближенія между пролетаріатомъ и мелкой буржуазіей? Какъ не принять въ серьезъ той иллюзіи *реакціонныхъ* группъ имущихъ классовъ, въ силу которой эти группы воображаютъ, что, защищая свои привилегіи, направленныя на самомъ дѣлѣ *противъ* буржуазнаго общества, противъ интересовъ имущихъ классовъ въ цѣломъ, онѣ, якобы, отстаиваютъ общее дѣло этихъ имущихъ классовъ противъ „соціализма?“ И какъ не вообразить, поэтому, что революція, къ которой установилось такое отношеніе, не можетъ не вести, по крайней мѣрѣ, къ „ограниченію буржуазнаго господства?“

Какъ знаетъ т. Борисовъ, на одной „алгебрѣ“ мы не

останавливаемся. „Въ алгебраическую“ формулу мы вставляли всѣ конкретныя, данныя русской дѣйствительностью, „ариѳметическія“ величины, чтобъ получить столь-же конкретные тактическіе выводы. Т. Борисовъ касается и этой части моей статьи о Каутскомъ. Здѣсь, однако, его критика „исчерпывается мелкими пунктами и, большей частью, голословными „опроверженіями“. За недостаткомъ мѣста я разбирать этихъ опроверженій не стану. Укажу лишь на одно любопытное заблужденіе автора. Онъ совершенно напрасно сдѣлалъ предположеніе, будто бы я, говоря о той городской буржуазной демократіи, которая „станетъ во главѣ крестьянскихъ массъ“, имѣлъ въ виду „конст.-демократ. партію“. Т. Борисовъ говоритъ объ этомъ своемъ предположеніи: „можетъ быть, мы не ошибемся, если отвѣтимъ за него“ и т. д. А черезъ нѣсколько страницы уже прямо говоритъ: „итакъ, главная движущая сила русской революціи, ея основной рычагъ найденъ; это—кадетская партія“ и т. д. „Догадываться“ т. Борисову нельзя запретить, но можно отъ него все-таки требовать, чтобы онъ не приписывалъ своимъ противникамъ въ столь категорической формѣ то, что составляетъ предметъ догадки его собственнаго ума.

Считать „движущей силой“ революціи кадетскую или другую какую-либо *партію* я столь же не способенъ, какъ считать соціологическое невѣжество движущей силой процесса развитія нѣкоторыхъ quasi-марксистскихъ теченій. А тотъ, кто читалъ то, что мнѣ и другимъ меньшевикамъ приходилось писать о к. д. партіи, не могъ ни на минуту сомнѣваться, что для насъ *процессъ партійной консолидаціи* отечественной мелкой буржуазіи *еще далекъ отъ завершенія* и что, во всякомъ случаѣ, не к.-д. партія сможетъ явиться носительницей исторической миссіи революціонной мелкой буржуазіи. Русская демократическая партія дѣло будущаго; въ ея образованіи не малую роль сыграютъ, вѣроятно, *элементы* нынѣшней к.-д. партіи, но не меньшую—элементы, стоящіе много лѣвѣе. Не желая скрывать своихъ мыслей, я прямо ужъ признаюсь тов. Борисову, что лично для меня представляется весьма вѣроятнымъ, что въ число ингредіентовъ такой партіи войдутъ нѣкоторые ближайшіе сосѣди т. Борисова по направленію. При этомъ надо отмѣтить, что счастливая идея—трактовать нынѣшнюю революцію, какъ „только политическую“ — идея, *раздѣляемая нынѣ и кадетами*, по подносимая т. Борисовымъ въ подновленномъ и весьма „революціонномъ“ видѣ, — что эта идея можетъ сыграть не малую роль въ выработкѣ такого дѣйственнаго политическаго міровоззрѣнія, которое будетъ въ состояніи объединить разрозненные элементы мелкобуржуазной демократіи...

Л. Мартовъ.

Партія и профессіональные союзы.

(*Къ партійному съѣзду*).

Въ опубликованный недавно порядокъ дня предстоящаго съѣзда Р. С. Д. Р. Партіи Центральнымъ Комитетомъ внесенъ также и названный выше вопросъ: „Партія и профессіональные союзы". Мнѣ совершенно неизвѣстно, въ какой плоскости предлагаетъ Ц. К. съѣзду обсуждать этотъ вопросъ. Можетъ быть, случайно, наши точки зрѣнія совпадутъ. Во всякомъ случаѣ думается, что обсужденіе этого вопроса въ печати въ моментъ, когда партійныя организаціи начинаютъ готовиться къ съѣзду, не можетъ остаться безъ пользы для дѣла.

Извѣстно, что на объединительномъ съѣздѣ партіи въ Стокгольмѣ резолюція о профессіональныхъ союзахъ была единственной, принятой единогласно. Оптимисты усмотрѣли въ этомъ, быть можетъ, утѣшительный фактъ, что хоть въ этомъ вопросѣ двѣ враждующія фракціи нашей партіи солидарны въ своихъ взглядахъ. Мы, лично, склонны объяснять это „единогласіе" другими причинами.

Съѣздъ, занятый спорными политическими вопросами (отношеніе къ Г. Д., вооруженное возстаніе, парт. выст.), отнесся слишкомъ поверхностно къ такому важному вопросу пролетарской борьбы, какъ организація профессіональныхъ союзовъ. Правда, резолюція, принятая по этому поводу, въ общемъ и цѣломъ удовлетворительна и разрываетъ связь со старыми предразсудками, существовавшими въ нашей партіи относительно значенія экономической борьбы. Но достаточно упомянуть тотъ **фактъ**, что въ огромномъ томѣ въ 420 страницъ протоколовъ **объединительнаго съѣзда** пунктъ о профессіональныхъ союзахъ занимаетъ не болѣе *десяти строчекъ* (кромѣ текста резолюціи), чтобы убѣдиться, что съѣздъ остановился на этомъ вопросѣ только „приличія ради".

Было бы очень печально, если бы и предстоящій съѣздъ отнесся къ названному вопросу, только какъ къ необходимой обстановки съѣзда соціалдемократической *рабочей* партіи. Для партійныхъ и профессіональныхъ работниковъ не секретъ, что и въ отношеніи къ профессіональнымъ организаціямъ среди нашей партіи существуютъ крупныя разногласія. Стокгольмская резолюція не вызвала споровъ, потому что ни одна, ни другая сторона не придавали ей никакого практическаго значенія. Но эти разногласія вскроются сейчасъ же, какъ только съѣздъ приступитъ къ конкретному обсужденію будущихъ отношеній между партійными и профессіональными организаціями. И какъ ни печально возможное обостреніе фракціонныхъ разногласій въ одномъ лишнемъ вопросѣ, мы считаемъ конкретное обсужденіе

и практическія директивы со стороны съѣзда въ этомъ вопросѣ необходимыми не только съ точки зрѣнія роста, развитія и укрѣпленія въ рабочихъ массахъ вліянія нашей партіи, но и съ точки зрѣнія всей политической ситуаціи нашей страны.

Принятіе же взамѣнъ этого только одной общей, ни къ чему не обязывающей резолюціи, означало бы собою нежеланіе съѣзда отвѣтить на насущный, хотя бы и трудный вопросъ.

Возникшія въ своей современной формѣ всего около двухъ лѣтъ тому назадъ профессіональныя рабочія организаціи превратились за это время въ крупный факторъ нашей общественной и политической жизни. Въ то время, какъ натиски реакціонныхъ бурь сносили такія вліятельныя и популярныя организаціи, какъ совѣты рабочихъ депутатовъ, профессіональные союзы не только не исчезли подъ этимъ напоромъ, но укрѣпились, расширили и углубили свое вліяніе въ рабочей массѣ. Здѣсь не мѣсто останавливаться на причинахъ этого явленія. Намъ важно только отмѣтить, что профессіональные союзы не покупали себѣ сознательно или безсознательно право на существованіе отреченіемъ отъ тѣхъ политическихъ и революціонныхъ задачъ, которыя стоятъ теперь передъ россійскимъ пролетаріатомъ. Всякій безпристрастный наблюдатель долженъ будетъ признать, что профессіональные союзы въ Россіи съ самаго своего зарожденія и до настоящаго момента шли нога въ ногу со всѣмъ пролетарскимъ движеніемъ въ Россіи.

Участіе союзовъ въ октябрской забастовкѣ, ихъ роль въ совѣтахъ рабочихъ депутатовъ, завоеваніе типографскими союзами свободы печати, поддержка союзами во время засѣданій первой Думы рабочей, а затѣмъ соц.-демократ. фракціи, и, наконецъ, выдающаяся роль, которую пришлось сыграть профессіональнымъ союзамъ въ только что закончившейся избирательной кампаніи,—все это показываетъ, что профессіональные союзы не оставались безучастными ни къ одному важному политическому событію нашей жизни.

Если же прибавить къ этому, что одновременно союзы ни на минуту не забывали своей ближайшей основной задачи: руководства борьбою за улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ, и добились въ этой области за короткое время своего существованія значительныхъ успѣховъ, то можно съ увѣренностью сказать, что профессіональные союзы „выдержали экзаменъ“ не только передъ россійскимъ, но и передъ международнымъ пролетаріатомъ.

Поскольку можно судить по соціалдемократической печати, признаніе огромнаго значенія за профессіональными союзами, какъ самостоятельными, классовыми, пролетарскими организаціями, находитъ себѣ все больше и больше мѣста въ рос-

сійской соціалдемократіи. *Задачей съѣзда должно быть своими конкретными директивами превратить это теоретическое признаніе со стороны отдѣльныхъ партійныхъ публицистовъ въ практическое признаніе со стороны центральныхъ и мѣстныхъ партійныхъ организацій.*

До сихъ поръ связь между партійными организаціями и профессіональными союзами была только персональная и даже отчасти только идейная. Тѣ или иные соціалдемократы, входящіе въ партійную организацію, или такъ называемые „непартійцы", соціалдемократы, тѣсно связанные всѣмъ прошлымъ съ партіей, но не входящіе по тѣмъ или инымъ причинамъ въ мѣстныя партійныя организаціи—всѣ они, работая по собственной иниціативѣ въ союзахъ, проводили всегда тамъ идеи соціалдемократіи и поддерживали авторитетъ партіи.

Эта случайная механическая связь между партіей и союзами должна быть замѣнена связью регулярною, органическою, персональная связь—организаціонною.

Уже Стокгольмская резолюція признала, что „профессіональное движеніе является необходимымъ составнымъ элементомъ классовой борьбы, а профессіональные союзы—такимъ же элементомъ классовой организаціи пролетаріата". Мангеймская резолюція—какъ извѣстно—высказалась еще болѣе рѣшительно, она говоритъ: „они (профессіональные союзы) не менѣе необходимы, чѣмъ соціалдемократическая партія".

Эта, признанная, наконецъ, всѣми крупнѣйшими западноевропейскими соціалистическими партіями, равноцѣнность политической и экономической организаціи въ борьбѣ пролетаріата противъ всего капиталистическаго строя общества, должна быть практически закрѣплена предстоящимъ партійнымъ съѣздомъ. Больше, чѣмъ кто бы то ни было, мы нуждаемся въ практическомъ проведеніи въ жизнь признанія равноцѣнности двухъ формъ пролетарской организаціи.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи должно быть обязательное участіе членовъ партіи въ профессіональныхъ союзахъ, участіе, выражающееся не въ томъ, что члены партіи появляются въ союзахъ въ большомъ числѣ тогда, когда нужно „провести" ту или иную партійную или фракціонную резолюцію. Члены партіи должны принимать участіе во всей повседневной жизни союзовъ, заинтересовываться его непосредственными задачами, и своею сознательностью, своею принципіальностью, своею дисциплинированностью они должны способствовать проведенію союзами во всѣхъ мельчайшихъ рѣшеніяхъ классовой политики и поддержанію классовой солидарности.

Но этого, конечно, очень мало. Равноцѣнность политической и экономической организацій не должна оставаться только

въ резолюціяхъ съѣзда, сознаніемъ ея должны проникнуться рабочія массы. Этого можно достигнуть только путемъ совмѣстнаго рѣшенія тѣми и другими организаціями всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ рабочей жизни и, въ особенности, рабочихъ выступленій.

Сложность и специфичность какъ политической, такъ и экономической борьбы требуютъ раздѣленія труда между двумя типами организацій, но они не оправдываютъ ни въ коемъ случаѣ подчиненія одной организаціи другой. Оставаясь автономными въ предѣлахъ выполненія своихъ непосредственныхъ задачъ, политическія и экономическія организаціи должны совмѣстно обсуждать и рѣшать всѣ вопросы, касающіеся общей тактики и политики рабочаго класса, а въ особенности вопросы, связанные съ выступленіями рабочихъ массъ.

Практически мнѣ рисуется, что съѣздъ долженъ будетъ отчасти закрѣпить, отчасти развить существующую уже во многихъ городахъ Россіи практику. До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ городахъ въ Центр. Бюро входили представители мѣстныхъ партійныхъ комитетовъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Роль ихъ была довольно неопредѣленная, не то информирующая, не то контролирующая... Если и оставить въ силѣ это представительство, то во всякомъ случаѣ необходимо сдѣлать его взаимнымъ, т. е. съ тою же информаціонною цѣлью долженъ входить представитель отъ Центральнаго Бюро профессіональныхъ союзовъ въ мѣстный партійный центръ.

Но гораздо важнѣе этого взаимнаго информаціоннаго представительства совмѣстное обсужденіе вопросовъ, затрагивающихъ интересы всего мѣстнаго рабочаго населенія. Избирательная кампанія, всеобщая забастовка-демонстрація по поводу какого-либо политическаго событія, политическій бойкотъ, петиція и т. д. и т. д. не могутъ быть успѣшно проведены въ жизнь безъ содѣйствія профессіональныхъ союзовъ, поэтому они должны быть обсуждаемы и рѣшаемы заранѣе совмѣстно партійной организаціей и союзами, а не преподносимы союзамъ въ видѣ готовой и безапелляціонной „директивы“ комитета.

И, обратно, союзы, предполагая какое-нибудь общее выступленіе, общую-ли забастовку сочувствія, или экономическій бойкотъ, или петицію по какимъ-нибудь профессіональнымъ вопросамъ, или принужденные принять мѣры для борьбы съ локаутами, съ безработицей и т. д. и т. д. должны будутъ выносить свои рѣшенія только совмѣстно съ партійной организаціей, если они захотятъ имѣть на своей сторонѣ моральную и политическую поддержку со стороны соціалдемократіи.

При намѣченной нами тактикѣ соціалдемократія получаетъ для осуществленія очередныхъ политическихъ задачъ

широкую и организованную базу. Расширяется возможность болѣе глубокаго и систематическаго проведенія въ рабочія массы соціалдемократическихъ идей. Съ другой стороны, органическая связь съ широкими рабочими классовыми организаціями освободитъ русскую соціалдемократію отъ сектантскаго характера и толкнетъ ее на путь реальной, дѣйствительно соціалдемократической политики. Тѣсная, организаціонная связь съ рабочими массами черезъ посредство профессіональныхъ союзовъ оградитъ, наконецъ, соціалдемократію отъ повторенія тѣхъ ошибокъ послѣднихъ лѣтъ, которыя нанесли такой ущербъ авторитету партіи (тактика бойкота Думы, объявленіе всеобщей забастовки послѣ роспуска Думы и т. д.), она поможетъ всегда опредѣлить настроеніе рабочихъ массъ и найти тотъ практическій лозунгъ, который въ данный моментъ способенъ больше всего обезпечить успѣхъ пролетаріату.

Нужно ли говорить, что и профессіональные союзы могутъ только выиграть при проведеніи въ жизнь намѣченной нами тактики. Намъ незачѣмъ повторять неоднократно приводившіеся въ печати аргументы, почему наши союзы не могутъ и не должны наклеивать на себя какого-либо формальнаго партійнаго ярлыка. Но они неоднократно—и особенно въ теченіе послѣдней избирательной кампаніи—показывали, что въ подавляющемъ своемъ большинствѣ они видятъ только въ россійской соціалдемократической партіи истинную представительницу своихъ политическихъ интересовъ. Установленіе болѣе тѣсныхъ, не формальныхъ, а фактическихъ связей съ партіей можетъ найти только радостный откликъ въ профессіональныхъ союзахъ. До сихъ поръ имъ приходилось часто попадать въ критическое положеніе, когда имъ предъявлялись готовыя директивы, съ которыми они были не согласны, но которыя они должны были проводить, не желая нарушить классовой солидарности и подорвать авторитетъ партіи. Совмѣстное обсужденіе и выработка этихъ директивъ дастъ возможность профессіональнымъ союзамъ болѣе сознательно и болѣе интенсивно проводить ихъ въ жизнь.

Тѣсная связь союзовъ съ партійными организаціями дастъ имъ возможность воздѣйствовать на послѣднія въ цѣляхъ болѣе усиленной агитаціи (въ прессѣ, въ Г. Думѣ и т. д.) за тѣ или иныя очередныя насущныя требованія профессіональнаго движенія.

Наконецъ, постоянное солидарное выступленіе политическихъ и экономическихъ рабочихъ организацій подыметъ авторитетъ тѣхъ и другихъ въ широкихъ слояхъ рабочей массы, будетъ способствовать скорѣйшей кристализаціи широкой и открытой соціалистической рабочей партіи, и обезпечитъ ей

руководство въ выполненіи тѣхъ историческихъ задачъ, которыя стоятъ передъ россійскимъ пролетаріатомъ.

В. Гриневичъ.

Къ статьѣ В. Гриневича.

Изъ опубликованной меньшевистской резолюціи къ партійному съѣзду тов. Гриневичъ можетъ увидѣть, что поднятые имъ въ его статьѣ вопросы разрѣшаются въ данной резолюціи именно въ томъ самомъ направленіи, которое указываетъ онъ, тов. Гриневичъ. Есть, однако, одинъ пунктъ, въ которомъ мы съ тов. Гриневичемъ расходимся—это пунктъ о взаимномъ представительствѣ.

Представительство партіи въ профессіональныхъ союзахъ осуществляется тѣмъ пунктомъ нашей резолюціи, который требуетъ обязательнаго участія членовъ партіи въ соотвѣтствующихъ союзахъ. Когда этотъ пунктъ будетъ всецѣло проведенъ въ жизнь, то этимъ будетъ достаточно гарантировано вліяніе соціалдемократическихъ идей на дѣятельность союзовъ. Особое представительство въ центральныхъ бюро едва-ли представится при этомъ необходимымъ. И въ центральномъ бюро всегда будетъ достаточно соціалдемократовъ, чтобы отстоять тамъ наши принципы.

Но если присутствіе представителя комитета въ центральномъ бюро можетъ оказаться только излишнимъ, то обязательное представительство центральныхъ бюро въ партійныхъ комитетахъ при данныхъ условіяхъ совершенно недопустимо. Тов. Гриневичъ забываетъ, что онъ самъ же отстаиваетъ безпартійность профессіональныхъ союзовъ. Но въ такомъ случаѣ представителемъ отъ центральнаго бюро можетъ оказаться членъ, чуждый или даже враждебной партіи. Одно дѣло устройство совмѣстныхъ совѣщаній по всѣмъ вопросамъ, одинаково интересующимъ профессіональные союзы и партію, и другое дѣло обязательное присутствіе члена центральнаго бюро даже на тѣхъ засѣданіяхъ комитета, гдѣ присутствіе человѣка, политически неопредѣленнаго или опредѣлившагося въ сторону какой-нибудь крупно- или мелкобуржуазной партіи, должно повести лишь къ безполезнымъ для обѣихъ сторонъ препирательствамъ.

Намъ кажется, что такой взглядъ тов. Гриневича объясняется тѣмъ, что онъ не совсѣмъ еще ясно опредѣлилъ для себя свое отношеніе къ профессіональнымъ союзамъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о профессіональныхъ союзахъ, какъ о „самостоятельныхъ, классовыхъ, пролетарскихъ организаціяхъ“. А

въ другомъ онъ сочувственно цитируетъ резолюцію объединительнаго съѣзда, утверждающую, что „профессіональное движеніе является необходимымъ составнымъ элементомъ классовой борьбы, а профессіональные союзы—такимъ же элементомъ классовой организаціи пролетаріата". Но одно изъ двухъ: или „самостоятельная, классовая, пролетарская организація", или „элементъ" одной единой организаціи.

Тов. Гриневичъ правъ, что въ настоящее время профессіональные союзы представляютъ „самостоятельныя, пролетарскія организаціи", а потому онъ рекомендуетъ установить между ними и другой „самостоятельной державой"—Р. С.-Д. Р. П. родъ дипломатическихъ сношеній съ взаимнымъ представительствомъ. Но если вѣрна теоретическая предпосылка нашей резолюціи, признающей единство классовой борьбы, а профессіональное движеніе однимъ изъ его элементовъ, то и классовая организація пролетаріата должна стремиться къ извѣстному единству, конечно, не исключающему необходимой самостоятельности составныхъ частей. Но это будетъ самостоятельность въ единствѣ: если хотите, въ переводѣ на языкъ политики, автономія, а не федерація.

Такова, по нашему мнѣнію, цѣль. Откуда, конечно, не слѣдуетъ, что она можетъ быть осуществлена завтра же. Напротивъ, мы увѣрены, что именно изъ нынѣшней самостоятельности профессіональныхъ союзовъ и родится желанное единство классовой пролетарской организаціи.

Но соціалдемократіи не слѣдуетъ упускать изъ виду эту цѣль.

Д. Кольцовъ.

Забастовка Одесскихъ моряковъ и гг. анархисты.

(Письмо въ редакцію).

Совершенно случайно попался мнѣ № 1 анархистской газетки „Вольный рабочій", издаваемой „Южно-русской групой анархистовъ-синдикалистовъ", гдѣ въ статьѣ „Изъ анархистскаго движенія въ Одессѣ" разсказывается о „вмѣшательствѣ" въ руководство этой забастовкой гг. анархистовъ. Я совершенно далекъ останавливаться на той площадной брани, съ которой обрушиваются гг. анархисты на одесскихъ соц.-дем. въ этой статьѣ и прошелъ бы мимо нея, если бы „исторія" этой забастовки не представляла безпорный интересъ для нашей партіи.

Забастовка моряковъ, какъ извѣстно, загорѣлась на почвѣ

борьбы за регистрацію. Когда въ правленіи регистраціи стало достовѣрно извѣстно, что у генералъ-губернатора вмѣстѣ съ администраціей пароходныхъ обществъ состоялось постановленіе о закрытіи регистраціи, по этому поводу состоялось частное совѣщаніе двухъ членовъ правленія (соц.-дем.) вмѣстѣ съ секретаріатомъ Центр. Бюро. Было тогда рѣшено, что вопросъ, какъ реагировать на закрытіе регистраціи, будетъ обсуждаться на делегатскомъ собраніи моряковъ, при чемъ, по мнѣнію совѣщанія, моментъ для забастовки былъ не совсѣмъ благопріятенъ и поэтому одинъ изъ членовъ правленія, участвовавшій на этомъ предварительномъ совѣщаніи, взялъ на себя обязанность выступить на делегатскомъ собраніи съ изложеніемъ мнѣнія упомянутаго совѣщанія.

На делегатскомъ собраніи настроеніе было настолько „воинственно", что товарища, пытавшагося говорить противъ забастовки, стали заподазривать чуть-ли не въ измѣнѣ, въ провокаціи и т. д. Делегатское собраніе приняло единодушное рѣшеніе—въ случаѣ закрытія регистраціи объявить всеобщую забастовку моряковъ. Спустя нѣсколько дней послѣдовалъ полицейскій набѣгъ, — помѣщеніе регистраціи было опечатано. Началась всеобщая забастовка моряковъ. Въ тотъ же день происходило засѣданіе Центр. Бюро, которое постановило оказать энергичную поддержку забастовавшимъ морякамъ.

На предварительномъ совѣщаніи моряковъ среди которыхъ были только соціалдемократы и соціалисты-революціонеры и представитель Центр. Бюро—было рѣшено созвать делегатское собраніе, которое должно намѣтить дальнѣйшую тактику, а вмѣстѣ съ тѣмъ для руководства всей забастовкой выбрать стачечный комитетъ. Когда на делегатскомъ собраніи однимъ изъ моряковъ соціалистовъ-революціонеровъ былъ поднятъ вопросъ объ особомъ представительствѣ партій, соц.-дем. выступили противъ этого предложенія, считая нежелательнымъ партійное представительство въ органѣ профессіональнаго союза (регистраціи), каковымъ является стачечный комитетъ. Предложеніе было отвергнуто. На этомъ же собраніи было сообщено, что къ забастовкѣ моряковъ присоединяются грузовые рабочіе. *Казалось*, что настроеніе въ порту дѣйствительно хорошее и забастовка обѣщала быть дружной.

Но эти надежды вскорѣ были разбиты. Грузовые рабочіе пробастовали четыре-пять дней, послѣ чего значительная часть приступила къ работѣ. Главная причина тому—организованное „союзомъ русскаго народа" штрейкбрехерство и крайне слабая организованность грузовыхъ рабочихъ. Забастовка портовыхъ рабочихъ кончилась полнымъ разгромомъ,—десятки наиболѣе сознательныхъ рабочихъ были разсчитаны, арестованы да, кромѣ

того, администрація воспользовалась этой неудачей, чтобы понизить плату. Такъ обстояло дѣло съ примкнувшими къ забастовкѣ портовыми рабочими. У моряковъ дѣло обстояло хотя и лучше, но далеко не блестяще. Прежде всего не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и здѣсь организованное «истинно-русскими" штрейкбрехерство нанесло сильный ударъ бастовавшимъ матросамъ. Пароходы (кромѣ дальняго плаванія) отходили и это производило деморализирующее вліяніе на моряковъ. Уже со второй недѣли стали появляться штрейкбрехеры изъ среды забастовавшихъ моряковъ, хотя и въ весьма ограниченномъ числѣ. Настроеніе начало падать и этому весьма сильно содѣйствовала невозможность устроить общее собраніе моряковъ. Создалась полная оторванность стачечнаго комитета отъ трехтысячной массы моряковъ и лишь только прокламаціями стачечный комитетъ „поддерживалъ" настроеніе забастовщиковъ. Приблизительно въ это же время стачечный ком. постановилъ пригласить представителей партій соц.-дем. и соц.-рев., по настоянію моряковъ- соц.-революц. Стачечный ком. чувствовалъ, что онъ теряетъ почву подъ ногами и ухватился за приглашеніе особыхъ представителей, какъ за такое средство, которое чуть-ли не подниметъ настроеніе массъ.... Разумѣется, эти представители кромѣ принципіальныхъ споровъ ничего не могли внести, т. к., напр., наша организація все время принимала активнѣйшее участіе въ этой забастовкѣ совершенно независимо отъ офиціальнаго представительства, которое для успѣха дѣла было ни къ чему. Но вотъ партія соціалистовъ-революціонеровъ организуетъ взрывъ парохода. Въ стачечномъ комитетѣ неизбѣжно возникаетъ вопросъ объ отношеніи стач ком. къ подобнымъ средствамъ борьбы, противъ которого рѣшительно выступили соціалдемократы. Послѣ горячихъ дебатовъ во время которыхъ представитель соц.-рев. горячо отстаивалъ „революціонную" тактику, стачечный комитетъ выноситъ рѣшеніе опубликовать во всеобщее свѣдѣніе, что онъ никакого отношенія не имѣетъ къ взрыву на пароходѣ.

Опускаю рядъ засѣданій стачечнаго комитета и перехожу непосредственно къ тому засѣданію, гдѣ впервые заходитъ рѣчь объ анархистахъ. Обсуждается вопросъ о финансовомъ положеніи дѣлъ въ стачечномъ ком. и констатируется фактъ истощенія средствъ. Какъ разъ въ это время приходитъ запоздавшій представитель партіи соціалистовъ - революціонеровъ г. С—къ и, узнавъ, что обсуждается вопросъ о финансахъ, предлагаетъ *въ связи съ этимъ вопросомъ* обсудить предложеніе анархистовъ-синдикалистовъ. Собраніе соглашается и тогда соц.-рев. доводитъ до свѣдѣнія стач. ком., что представитель анархистовъ-синдикалистовъ поручилъ ему внести предложеніе

отъ „южной группы анархистовъ-синдикалистовъ", чтобы представитель этой группы былъ допущенъ въ стачечный комитетъ и тогда они внесутъ въ стачечный ком. солидную денежную помощь (говорили о 14.000 или о 10.000, руб.—точно не помню), а также будетъ содѣйствовать бомбами, браунингами и прочими „средствіями".

Представитель с.-д-скаго ком. ставитъ вопросъ соц.-рев.—личное ли это предложеніе или исходитъ оно отъ од. ком. партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Представитель партіи соціалистовъ-революціонеровъ заявилъ, что онъ уполномоченъ внести это предложеніе не только ком. партіи, но происходившій въ то время областной съѣздъ с.-р. партіи одобрилъ это предложеніе.

Не буду сейчасъ подробно излагать происходившихъ дебатовъ,—ясно, что соц.-дем. рѣшительно выступили противъ сотрудничества съ анархистами, при чемъ тогда же было заявлено, что приглашеніе анархистовъ повлечетъ за собой выходъ изъ стач. ком. не только представителя с.-д-ской партіи, но и представителя Центральнаго Бюро. Представитель Центр. Бюро настаивалъ, чтобы стачечный комитетъ пересмотрѣлъ свое рѣшеніе относительно приглашенія представителей партій, но безрезультатно. Среди членовъ стачечнаго комитета ясно обнаружились анархистскія тенденціи и приглашеніе анархиста означало поворотъ въ тактикѣ самого стачечнаго комитета; кромѣ того денежная помощь анархистовъ, совершившихъ какъ разъ въ это время знаменитую экспропріацію въ Международномъ банкѣ, особенно привлекала членовъ стачечнаго ком., такъ какъ въ кассѣ оставались гроши. Помощь, приходившая отъ рабочихъ, сравнительно была весьма значительной, но для поддержки трехъ-четырехъ тысячной массы моряковъ была далеко недостаточной, тѣмъ болѣе, что забастовка тянулась уже три недѣли. Нужда росла съ каждымъ днемъ, блогодаря чему падало настроеніе, увеличилось число штрейкбрехеровъ, а для поднятія настроенія не было никакихъ средствъ,—не было возможности даже устроить болѣе или менѣе большого собранія моряковъ, а одними листками трудно было многое успѣть. Отсюда понятно, что всевозможные планы анархистовъ уничтоженія пароходовъ встрѣчали сочувствіе, какъ средство поднятія настроенія. Нѣтъ сомнѣній, что взрывы пароходовъ вызывали у бастовавшихъ чувство удовлетворенія и въ первое время дѣйствительно „поднимали" настроеніе бастовавшихъ,—озлобленныхъ, проголодавшихся моряковъ.

Вопросъ большинствомъ одного голоса былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ (голосовали противъ три соц; демократа, за—2 соц. рев. и два безпартійныхъ). На слѣдующее

засѣданіе уже является анархистъ-синдикалистъ, извѣстный въ Одессѣ Д—о и при первомъ своемъ визитѣ вноситъ двѣсти рублей На этомъ засѣданіи вновь выдвигается вопросъ о представительствѣ партій вообще и особенно о присутствіи въ стачечномъ ком. анархиста-синдикалиста. Между прочимъ, когда обнаружилось, что вопросъ о приглашеніи анархиста ставился въ тѣсной связи съ денежнымъ вопросомъ, г. Д—о „горячо" протестовалъ и предложилъ собранію голосовать—приглашается ли онъ въ качествѣ представителя рабочей организаціи или же... какъ денежный мѣшокъ... Разумѣется, то же большинство, какъ и на первомъ засѣданіи, рѣшаетъ, что анархистъ-синдикалистъ приглашается, какъ представитель рабочей организаціи. *Соціалисты-революціонеры, такимъ образомъ, своими голосами санкціонировали анархиста въ качествѣ представителя рабочей организаціи.* И все это дѣлается „въ пику" соціалдемократамъ... Такими путями добрались гг. анархисты до стачечнаго комитета.

Въ упомянутой статейкѣ чернымъ по бѣлому напечатано: „представитель с. р. въ стачечномъ комитетѣ, узнавъ о нашемъ желаніи принять участіе въ забастовкѣ, предложилъ (стачечному) комитету пригласить нашего представителя въ свой составъ. Стачечный комит. согласился и нашъ представитель былъ посланъ".

Съ первыхъ шаговъ для насъ ясно стало, что для соц. дем. послѣ создавшагося настроенія въ стачечномъ комитетѣ оставаться — значило своимъ присутствіемъ прикрывать тѣ авантюры, которыя затѣвались анархистами вкупѣ съ соціалистами-революціонерами и съ молчаливаго одобренія большинства стачечнаго комитета. Авторъ статьи вполнѣ резонно замѣчаетъ, что „участіе нашего представителя убѣдило насъ въ томъ, что съ соц.-демократами рѣшительно невозможно какое-бы то ни было сотрудничество даже на экономической почвѣ", а далѣе слѣдуетъ отборнѣйшая брань, въ родѣ—„нѣтъ той подлости, которой они не распространяли бы о насъ" и т. д. Точно также нужно отдать справедливость замѣчанію автора цитируемой статьи, когда онъ говоритъ, что „съ соціалистами-революціонерами на почвѣ экономической борьбы очень часто возможны искреннія и честныя соглашенія".

Еще бы! Какъ не похлопать дружески гг. соціалистовъ революціонеровъ, когда они такъ „искренне" открываютъ своимъ „близкимъ" доступъ къ рабочимъ массамъ и даже рекомендуютъ гг. анархистовъ, какъ полезныхъ „людей"... Оказывается, что соціалисты-революціонеры дали возможность анархистамъ пріобрѣсть „за короткое время такое значительное количество сторонниковъ въ этой средѣ, что мы нашли воз-

можнымъ приступить къ созданію анархистскаго профессіональнаго союза моряковъ", какъ увѣряетъ авторъ статьи г. Д. Н. Я позволю себѣ усумниться въ достовѣрности послѣдняго сообщенія, но безспорно, что лишь *благодаря соціалистамъ-революціонерамъ* анархисты пріобрѣли опредѣленное вліяніе не только среди стачечнаго комитета, но и среди моряковъ.

Перейду къ дальнѣйшему. На томъ же первомъ засѣданіи представитель анархистовъ-синдикалистовъ вноситъ слѣдующія два предложенія: 1) объявить однодневную всеобщую забастовку для поддержки моряковъ и 2) прибѣгнуть къ содѣйствію излюбленныхъ бомбъ. По мнѣнію представителя —выражаясь словами автора статьи — „даже самая короткая всеобщая забастовка въ настоящее время нанесла бы смертельный (?!!) ударъ пароходнымъ обществамъ и заставила бы даже правительство произвести давленіе на капиталистовъ изъ боязни, какъ бы изъ этой безобидной (?) забастовки не выросли новые „іюньскіе дни". Хотя стачечный комит. призналъ г. Д—о представителемъ *рабочей* организаціи, но это предложеніе ясно показывало, что авторъ его слишкомъ далекъ отъ рабочихъ, если отважился его внести. Кажется, еще давно не было такого упадка въ настроеніи у рабочихъ, никогда еще не была такъ сильна безработица, какъ именно въ то время. Не только соц.-дем. и представитель Центр. Бюро, но даже с. р. голосовали противъ внесеннаго предложенія. Что касается второго предложенія, то г. Д—о пришлось самому его снять, но только потому, что большинство стачечнаго комитета, подпавшее подъ вліяніе анархистовъ и полуанархистовъ, находило „неудобнымъ" стачечному комитету брать на себя подобныя предпріятія, а пусть лучше эти „дѣла" совершаются организаціями при молчаливомъ одобреніи стачечнаго комитета. Созванное вскорѣ по нашей иниціативѣ делегатское собраніе одобрило анархистскую тактику, послѣ чего с. д. и представитель Ц. Б. вышли изъ состава стачечнаго комитета.

Забастовка, какъ извѣстно, проиграна; взрывы пароходовъ не помогли забастовкѣ моряковъ, они только создали такія условія, при которыхъ стало невозможнымъ вести легальную забастовку и въ худшемъ случаѣ закончить ее компромиссомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, эта забастовка ясно показала, насколько *необезпечено* еще вліяніе соц.-дем. въ рабочихъ массахъ и какъ часто—и особенно въ данномъ случаѣ—оно держится на вліяніи *отдѣльныхъ* личностей, а не на сознательности и организованности рабочихъ массъ.

Фрид—хъ.